

ПОСЛЕДНИЙ
ЧЕЛОВЕК

ПОКА ДЫШУ, НАДЕЮСЬ

ОЛЕГ КОЖИН

ЗАБЫТЫЕ БОГОМ

Олег Игоревич Кожин
Забутые богом
Серия «Последний человек»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70382146
Забутые богом / Олег Кожин: АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-161503-1

Аннотация

Мир кончился не ядерным взрывом и не супервирусом. Просто однажды люди исчезли, будто кто-то смахнул фигурки незаконченной шахматной партии с доски. Но остались одиночки, забытые неведомой силой на опустевшей планете. Они цепляются за ускользающую реальность, живут как умеют и видят тревожные сны. Сны, в которых кто-то убивает их... Одного за другим.

Содержание

Инквизитор	5
Часть I	12
Возлюбленные	12
Охотник и зверь	23
Искатель	37
Инквизитор и бродяга	49
Кормилица	63
Параноик и художник	71
Часть II	83
Шлюха и смерть	83
Праведные сестры	92
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Олег Кожин

Забутые богом

© Олег Кожин, текст, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Инквизитор

Петрозаводск, март

Ночью к Макару пришел Дьявол. Как всегда, в привычное время, где-то за два часа до рассвета. Дьявол миновал зал, мягко ступая дорогими мокасинами по трехсотлетнему паркету. Бесшумный, бесстрастный, бессмертный. Верховный бес. Ни трезубца, ни хвоста, ни копыт. Вместо всей этой средневековой мишуры – деловой костюм, серый, в едва заметную полоску, легкая белая сорочка да галстук-селедка, захлестывающий высокий ворот. На запястье левой руки, напоминающей вареную крабью клешню, тускло поблескивали стильные часы «Бреге», один в один «патриаршая модель». Правая держала тонкий кейс из черной кожи и хрома. Выйдя из стены, Дьявол направился к огромной двуспальной кровати, где, по-детски натянув одеяло до самых глаз, застыл дрожащий от страха Макар.

Обычно Дьявол одевался подчеркнуто неброско. Никакой роскоши, только удобство. Но не сегодня. Часы а-ля патриарх еще можно было объяснить изошренным актом богохульства, но остальное... Это угнетало Макара. Он предчувствовал новое наказание и никак не мог угадать, чем оно обернется: испытанием, после которого становишься сильнее, или банальной пыткой. Прочсть что-либо на размытом

лице ночного гостя не представлялось возможным. Лишь огненно-рыжая радужка дьявольских глаз, неизменно статичная посреди хаоса меняющихся черт, выражала хоть какие-то эмоции. В основном презрение и усталость. В последнее время презрение доминировало.

Дьявол деликатно откинул край шелковой простыни и присел на кровать. Игнорируя Макара, поспешно подтянувшего ноги к груди, он устроил кейс на коленях. Заскорузлые черные когти с удивительной ловкостью выставили кольца кодового замка в нужную комбинацию. Три шестерки. Конечно же, три шестерки. Крышка открылась, и Макар, на время позабыв о страхе, с любопытством подался вперед.

Утопая в красном бархате, внутри покоилась обыкновенная пластиковая бутылка, из-под кваса или, быть может, пива. Неудачно сорванная этикетка оставила на боках ошметки клея с островками намертво прилипшей бумаги. Подцепив когтем исцарапанную синюю крышку, Дьявол легко сорвал ее, поднял бутылку над головой, опрокидывая содержимое на себя. Стремительно пустеющая тара заклокотала пластиковым горлом. Точно пятно от пробитого нефтяного танкера, в воздухе растекся резкий запах бензина.

Бутылка с громким хрустом смялась и отлетела в темноту. Опустевший кейс грохнулся на пол. Дьявол по-собачьи мотнул головой, разбрасывая в стороны жирные маслянистые брызги. Обожженная клешня по-хозяйски зарылась в стоящий у изножья кровати мешок, который Макар на днях

приташил из ювелирного магазина. Через край посыпались мелкие украшения. По паркету запрыгали броши, перстни, кулоны и увесистые печатки. Часть их проворно спряталась под кровать. Завороженный странным поведением ночного гостя, Макар внезапно понял, что тот ищет. Понял и похолодел.

Расплывчатый лик Дьявола повернулся к Макару. Самую малость. Ровно настолько, чтобы перепуганный человек увидел, как смеются неподвижные огненные глаза. Закончив поиски, Дьявол вытянул руку перед собой. Золотые цепочки скатывались с нее дохлыми желтыми червями. В когтистых пальцах сверкнула массивная платиновая зажигалка, инкрустированная драгоценными камнями. Загнутый коготь большого пальца со звоном откинул тяжелую крышку, чиркнул зубчатым колесом по кремню и загорелся. Пламя взметнулось по рукаву, вспрыгнуло на грудь, а уже оттуда весело разбежалось во все стороны.

Дьявол вспыхнул. Как тот буддийский монах из Сайгона. Как Москва, в сентябре 1812-го. Или, скорее... как неопалимый терновый куст, из которого Бог разговаривал с Моисеем.

Сложив руки на коленях, Дьявол пылал, и вместе с ним пылало его вытянутое отражение в широко распахнутых глазах Макара. Дорогая ткань прогорела за считанные секунды, слой за слоем, будто кто-то чистил гигантскую луковицу, поспешно добираясь до красноватой сердцевины. Расплавив-

лись золотые запонки, крохотными слезинками упали на пуховый матрас, проточив две черные дырки. Продержавшись на несколько мгновений дольше, потек массивный браслет часов. Огонь, пляшущий по маслянисто блестящему телу Дьявола, не перекидывался на кровать, но при этом вовсе не думал угасать. Потрясенный Макар, как во сне, протянул к нему руку и тут же отдернул, опаленный чудовищным жаром. Объятый пламенем Дьявол стал его откровением. Все есть пепел, говорил ему Дьявол. Все есть прах и обугленные головешки.

Содрогаясь от омерзения к самому себе, Макар огляделся. Вещи, которые не так давно он просто не мог себе позволить... все эти золотые побрякушки, драгоценные стекляшки, шедевры искусства, дорогие дизайнерские штучки, спортивные автомобили... Символы статуса и положения. Вещи. Тряпки. Шмотье. Беспольный пережиток прошлого, не годный даже на растопку!

Желание спалить все это, – все, что он кропотливо, с упорством хомяка собирал по городу последние две недели, – стало необоримым. Зародившись где-то в груди, оно, будто и само имея огненную природу, начало прожигать Макара изнутри. И, точно услышав его мысли, неугасимое пламя рвануло в разные стороны. Пожар бушевал, жадно перемалывая оранжевыми зубами старинные гобелены, картины, паркет, громадный плазменный телевизор, мешок с ювелирными украшениями, ворох костюмов «от кутюр», валяющихся

прямо на полу, кровать с балдахином. В эпицентре пожара сидел невозмутимый Дьявол, одобрительно покачивая лобастой головой, увенчанной витыми бараными рогами.

* * *

Промозглый мартовский ветер, все еще отдающий февральской стужей, привел Макара в чувство. Трясаясь от холода, он стоял посреди пустынной площади Ленина, одетый в одну лишь простыню, завязанную через плечо на манер тоги. Над Макаром, устремив взгляд за горизонт, нависала гигантская фигура вечно живого вождя пролетариата. На лице гранитного Ленина скакали непоседливые блики, отчего казалось, что памятник то лукаво щурится, то недовольно кривит губы.

Пахло костром. От копоты першило в горле, легкие терзал сиплый кашель с привкусом гари. За спиной Макара ревели и трещало рыжее чудовище – это его зарево оживляло застывшую мимику каменного истукана. Звонко лопались стекла, скрежетал деформирующийся металл. Только сейчас Макар обнаружил, что сжимает в руке пустую пластиковую бутылку. Он принюхался. Из горлышка несло бензином.

Поспешно отбросив ее в сторону, Макар затравленно огляделся. Все три дороги, ведущие на площадь Ленина, оказались пустыми. Пустыми были и прилипшие к ним тротуары. Не горел ни один фонарь. Не теплилось ни единое

окошко. Будто по всему району внезапно отключили электричество. Единственный источник света – живой открытый огонь. Макар наконец вспомнил и нервно рассмеялся. Повернувшись спиной к хмурому вождю, он с интересом уставился на объятый пламенем Национальный краеведческий музей, служивший ему домом весь последний месяц.

Несколько минут, не обращая внимания на сильнейший озноб, Макар следил, как огонь уничтожает одно из старейших зданий города. Пепел к пеплу. Прах к праху. Только когда ноги совершенно окоченели, Макар зябко обнял себя трясущимися руками. Что-то острое кольнуло ему грудь, заставив вздрогнуть. В правой руке оказался скальпель.

Последний раз Макар пользовался инструментом лет пятнадцать назад, еще на втором курсе, перед самым отчислением. И да, это был тот самый скальпель, который он утащил домой с практики, чтобы тренироваться на куриных тушках. Монограмма МСЦ, криво выцарапанная на тонкой рукояти, не оставляла сомнений. Макар Скворцов, второй курс. Незадавшийся хирург. Временно безработный. Перманентно неудачливый.

Отблески костра плясали на хирургической стали, наполняя Макара темным удушающим ужасом. В дрожащей руке он держал свое прошлое. Скальпель не мог быть здесь, никак не мог и все же был, холодный, острый, ни капли не изменившийся. Он исчез в камерке для улик, пропал, сгинул в рутине судебного производства! Он не мог быть здесь!

Точно ядовитую гадину, Скворцов бросил скальпель на асфальт. Тот зазвенел, но не обиженно, а насмешливо. «Я вернулся! – слышалось в его стальном голосе. – И я никуда не денусь». Тягучий страх наконец затопил разум, и Макар, не разбирая дороги, бросился в темноту, прочь от горящего музея.

Ревущее пламя издевательски хохотало ему вслед.

Часть I

Закат

Возлюбленные

Светозарево, июнь

Травы было – валом. Сочные хрусткие заросли, высотой почти до пояса, густые, как волчья шерсть. Везде, где только можно, а в особенности там, где раньше было нельзя. В таких местах трава разрасталась особенно яростно и буйно, со страстью освободителя отвоевывая некогда отобранные человеком уголья. А этой дуре приспичило объедать солнечные головы одуванчиков, усеявших задний двор ярким колышущимся ковром. Широкие рога мешали, цепляясь за выбеленные непогодой жердины забора, но корова упрямо тянула вперед толстую шею. Полчища одуванчиков исчезали, смолотые крепкими зубами. Недовольные шмели, обиженно гудя, отлетали прочь, на безопасное расстояние.

Вера уже не кричала, а хохотала как полоумная, прижимая ладони к животу. В такт смеху подпрыгивали толстые пшеничные косы, украшенные все теми же ядовито-желтыми одуванчиками. Прибежавший на ее истошный вопль

Илья с облегчением выдохнул и опустил на землю тяжеленный колун. Что было в руках, с тем и прибежал спасать жену от неведомой напасти.

Вера, отхохотавшись, повернулась к мужу. Не выдержала, сморщила вздернутый конопатый нос и прыснула вновь. Театрально схватившись за сердце, Илья пошел к жене, взбивая ногами одуванчиковое море. Золотая пыльца оседала на коже, проникала в нос терпким ароматом лета. Хорошее лето выдалось. Настоящее.

– Люшка, у тебя такая, ха-ха... – не унималась Вера. – Ты бы видел... Ха-ха! ...ты бы видел свою... Ха! Аха-ха! Рожу!

Илья поглядел на себя со стороны: взмыленный, покрасневшийся – бежал с другого конца двора, – отросшие волосы растрепаны, глаза навывкате, все еще выискивают опасность, – и тоже рассмеялся. Облегченно и немного нервно.

– А ты! Ты-ы-ы! – Вера обернулась к корове, погрозила острым кулачком. – У-у-у, дура, блин! А-ха-ха!

Меланхолично пережевывая солнечные цветы, корова глядела на Веру влажными добрыми глазами. «Надо же, – с удивлением отметил Илья. – Выжила». В конце марта, когда наконец стало ясно, что случившееся необратимо, Илья пришел на ферму и открыл загоны, выпуская измученных, перепуганных животных. Оголодавшее, страдающее без дойки стадо ломанулось на волю. В жалобном мычании слышались почти человеческие недоумение и обида. Илья хотел бы им помочь, да только ухаживать за без малого сотней голов –

никаких рук не хватит.

– Дальше сами, – чувствуя странную неловкость, бормотал он. – Вон какие здоровые, справитесь как-нибудь...

Не к месту вспомнилась присказка соседа деда Антона: «Пусть корова думает, у ей голова большая!» Вот и пусть думают, как выживать без помощи человека. Прямо наглядное учебное пособие для экологов, освобождающих куриц и кроликов из-под гнета фермерских хозяйств. Вернее, освобождавших. Илья никак не мог привыкнуть думать и говорить в прошедшем времени.

После он ходил по дворам, выпуская скотину и птицу, снимая ошейники с собак, открывая двери застрявшим в домах кошкам. Курей и уток забрал к себе, сколько смог. Ухода особого не требуют, в еде неприхотливы, а в одну сарайку пара сотен влезет. Еще увел четырех козочек, что держала подслеповатая Авдотья Степановна, бывшая поселковая староста. Птица, яйца, молоко – жить можно...

– А ну, ты! – крикнул Илья корове. – Кыш! Пшла отсюда!

Та невозмутимо ощипывала цветы, нагулянные бока раздувались кузнечными мехами. В прядящем ухе покачивалась, похожая на модную серьгу, фермерская бирка с номером.

– Оставь ее! – всхлипывая от смеха, попросила Вера. – Пусть жрет... коррррр-ова!

Держась за бок, Вера пошла Илье навстречу. Охая, повисла у него на шее. Илья подхватил жену на руки, прижал, как

ребенка. Вес у Веры всегда был птичий, для здорового мужика так и вовсе ничтожный.

– Ой-ё-ёй! – простонала Вера, запрокинув голову. – Как напугала-то, дубина рогатая! Представляешь, лежу, никого не трогаю, книжку читаю. Слышу, стучит что-то по забору! Повернулась, а там эта морда! Уф-фуууу! Я чуть ежа не родила!

Илья донес жену до расстеленного среди одуванчиков покрывала, опустился на колени. Вера скатилась с рук, перевернулась на спину, посылая глубокому чистому небу блаженную улыбку. Желтоватое солнце тяжело взбиралось в гору. Судя по укоротившимся теням, до верхней точки ему оставалось ползти еще часа полтора. Почти не было ветра, и легкокрылые насекомые рассекали густеющий воздух. Заросшие без присмотра поля, тянущиеся от заднего двора до самого горизонта, лениво колыхались под редкими порывами. Без людей, без грохочущих тракторов и комбайнов этот уголок оказался сказочно-прекрасным. Даже старый погост, раскинувший крестообразные кости на пригорке, возле далекого ельника, казался светлым и радостным, словно парк развлечений.

Светло-синие, в тон небу, глаза смотрели куда-то мимо Ильи. Опираясь на локоть, Вера потянулась к мужу, легко расстегнула единственную пуговицу на обрезанных джинсах. В приподнявшихся скулах проступили очертания игривой улыбки. Я ни при чем, говорила она, пуговицы расстеги-

ваются сами собой, так бывает. Когда Илья попытался стянуть с нее майку, Вера отстранилась и сама сняла ее через голову.

Она притянула Илью, горячая и неистовая, как само лето. Полная жизни и пахнущая цветами. Илья опустил на нее, бережно, точно боясь раздавить. На его поясе тут же защелкнулся капкан стройных женских ног. Вера слабо охнула, когда Илья вошел в нее, и они потонули среди бескрайнего океана одуванчиков, на заднем дворе, на виду у всего мира.

* * *

Ночь шаталась вокруг дома, терлась о стены, еле слышно шурша мышинными лапами. Многоглазая ночь, среброглазая ночь, она с надеждой заглядывала в запылившиеся окна, выжидая, когда потухнет последняя свеча. В спальне свечи были повсюду – на трюмо, на зеркале, в изголовье кровати. Даже на подоконниках, в опасной близости от занавесок. Мелкие кружочки, залитые в тонкую жечь, длинные церковные палки, толстенные рождественские бомбы, ароматизированные и обычные, – свечей было разных без счету.

Старый продавленный диван скрипел при малейшем движении, но менять его Вера отказывалась наотрез. Они даже немного повздорили, когда Илья приволок шикарную кровать с дорогушим матрасом – разобрал и вынес из домика

москвичей, приехавших в деревню на лето.

– Это... это... Блин, Котов, ты чем думал вообще?! Это же как сапоги с покойника снять!

Добрая Вера всегда называла его ласково: Илюшей или Люшкой. Сердитая Верка – только по фамилии. Сам Илья не видел ничего зазорного в том, чтобы взять из пустого дома никому не нужную кровать. Да и, в конце концов, не умер же на ней никто. Но жена уперлась всерьез. На предложение вернуть обратно еду, дрова, генератор, все, что они так или иначе брали уже несколько месяцев, Вера ответила:

– Не путай теплое с мягким, Котов! Это другое... Без этого не прожить. А без кровати... Проживем как-нибудь без кровати.

И жили без кровати. Был, конечно, вариант, который устраивал обоих: взять новую, прямо в магазине, но ехать ради этого в Слободской не хотелось. Не готовы оказались Котовы к такому путешествию. Немного позже, говорили они друг другу. Не сейчас. Надо выждать время.

Они находили тысячу причин, чтобы не ехать сегодня, и две тысячи, чтобы не ехать завтра. Когда прошел первый шок, когда пришло понимание, что жизнь – их жизнь – не остановилась, они научились шутить и смеяться над происшедшим. Но ни Илья, ни Вера никогда всерьез не думали сесть в старенькую фермерскую газель и покинуть деревню. Единственной причиной, якорем, удерживающим их на месте, был страх. Они боялись, что мир может оказаться имен-

но таким, каким они его представляли.

Диван скрипел, когда они занимались любовью, когда ворочались во сне и даже когда просто лежали, обнявшись, обсуждая, как наконец-таки вернуться в Киров из этого затянувшегося отпуска. Потому что надо, пора, да-да, давно пора. Все-таки там – квартира, родные стены, и, как знать, вдруг остался кто-то еще, кроме них двоих? Но всякий раз они придумывали новое оправдание, чтобы отложить поездку еще ненадолго.

– Вообще-то бессмысленная затея, – зевая, сказал Илья. – Тебе здесь плохо, что ли?

Рука его поглаживала Верину грудь. Вспоминая день, наполненный запахом травы и женского тела, он блаженно улыбался.

– Вселенная подарила нам личный рай...

– Бог, – поправила его Вера.

Вера никогда не была религиозной. Ну да, крестик носила, ходила в церковь на Рождество и отвечала: «Воистину воскрес!» на Пасху – обычная ролевая игра городского жителя. Но с недавних пор начала относиться к этому крайне серьезно. Конец Света меняет мировоззрение, как ни крути.

– Хорошо, Бог, – не стал спорить Илья. – Твой Бог подарил нам персональный рай. Живи, радуйся, населяй Землю новыми людьми... А ты вместо этого хочешь кататься по мертвым городам, выискивая непонятно чего!

– Людей, Люшка. Людей. Таких же, как мы. Не может быть

такого, чтобы Бог оставил только нас...

– О, опять великий всемогущий Бог! – проворчал Илья. – Сколько можно-то? Твой воображаемый друг начинает меня тревожить!

– Бог есть. Он за нами следит. Приглядывает, чтобы все у нас было хорошо, – упрямо сказала Вера. – Должны быть еще такие же, как мы. Обязательно.

– Это еще почему?

– А потому что иначе ни о каком «заселении Земли» речи быть не может. – Вера передернула плечами. – Это мерзко!

Илья сдавленно захрюкал, и Вера пихнула его локтем в бок:

– Знаешь, Люшка, ты сейчас говоришь, как крестьянин средневековый. У них тоже мир сразу за околицей заканчивался. Ну, максимум за околицей соседней деревни. Откуда ты знаешь, что никого нет?

– Телевизор, сотовая связь, интер... – начал загибать пальцы Илья.

– Тьфу, тьфу, тьфу, зануда на корабле! – перебила Вера. – В село перестал приезжать гонец от князя, значит, больше никого нет: ни гонца, ни мытарей княжеских, ни самого князя. Глупость какая!

Она фыркнула, а Илья, выждав секунду, продолжил:

– ...интернет, даже радио – ничего не работает. В деревнях – ни одного человека, кроме нас. Города пустые стоят...

– Да много ты их видел, городов этих?! – Вера заливисто

расхохоталась. – Ой, не могу! Интернета нет, телек не работает, новостей никаких – но всё, всё! Города стоят пустые, это ты знаешь точно!

Илья обиженно замолчал. Иногда на Веру находила какая-то детская наивность, смешная и дико раздражающая одновременно. В такие моменты ему страшно не хватало веских аргументов. В самом деле, не поставишь же взросло-го человека в угол?

– Вот сидят где-нибудь под Калугой такие же горемыки, как мы, и тоже какой-нибудь зануда там заявляет, что кроме них на Земле никого. У них тоже мир за околицей необитаем. И знать они не знают, что мы тут с тобой... занимаемся возрождением Человечества!

Вера глупо хихикнула. Не выдержала и рассмеялась в голос. И хохотала так, пока вконец разобиженный Илья не отодвинулся к стене. Вера перевернулась, приклеилась к мужу горячим телом. На затылке волосы у Ильи отросли почти до плеч, и Вера с наслаждением зарылась в них носом.

– Не обижайся, Люшка, но ты не прав... – сказала она, мечтательно прикрыв глаза. – Он говорит со мной. Каждую ночь Он со мной говорит. Во сне. И все рассказывает. Есть еще такие, как мы. Совсем немного, но есть. Я знаю...

Буднично так сказала, словно что-то естественное и непреложное. Илья чувствовал, как она улыбается. Он не понимал, просто не мог поверить, что его жена все еще способ-на улыбаться вот так – искренне, спокойно, безмятежно. Как

когда-то улыбался он сам. Как когда-то, должно быть, улыбались все восемь миллиардов человек, исчезнувших в один день. Мыслимое ли дело сохранить такую чистоту и веру после того, как стал живым свидетелем Конца света?!

– И что он тебе еще говорит? – Илье не хотелось расстраивать ее. Хотелось подольше сохранить на своем затылке ощущение влажных губ, чуть тронутых улыбкой.

– Говорит, что всеоооо-уооо... – Вера широко зевнула, по-детски заплямкала и вновь прижалась к мужу. – Что все будет хорошо.

Боясь нарушить хрупкое состояние, укутавшее их тонким коконом, Илья не шевелился. Даже дышать старался неглубоко, подстраиваясь под дыхание засыпающей Веры. Балансируя на самой границе сна, они переплелись так тесно, что на несколько мгновений стали единым целым, по-настоящему, без дураков.

– Знаешь, какой у него голос... – восхищенно протянула Вера.

– Какой? – шепотом спросил Илья.

– Помнишь, у «Нау» есть песня? «Слушая наше дыхание, я слушаю наше дыхание, я раньше и не думал, что у нас, на двоих с тобой одно лишь дыхание...» – пропела она, тоже шепотом.

– Как у Бутусова, что ли?

– Нееет! – помотала Вера головой, Илья опять ощутил, как изогнулись ее губы. Так мать умиляется несмышленому

ребенку. – Как саксофон из той песни...

В этой странной душевной диффузии Илья слышал ее мысли, биение ее сердца и что-то еще, пульсирующее и тревожное. Маленькую сверхновую на самом краю их общей вселенной, готовую вот-вот вспыхнуть. Илья хотел проникнуть глубже, понять, прочувствовать, но сон потащил его за собой, отнимая волю к сопротивлению, запечатывая глаза пудовыми сургучными печатями. Сон сделал Илью ленивым и податливым, пообещав, что все успеется и спешить некуда.

Засыпая, Илья с удивлением понял, что верит каждому слову Веры. От первого до последнего.

Охотник и зверь

Сочи, июнь

С утра штормило. Не так, как любят туристы; когда можно прыгать в набегающую волну и ждать, пока она донесет тебя до берега, хорошенько протащив по гладкой гальке, а потом остается лишь вытряхнуть воду из ушей и бежать на новый круг. Штормило по-взрослому. Волны ожесточенно секли пустой пляж, сунься только, размажут по волнорезу. Впрочем, даже застынь море в полнейшем штиле, купаться Ваграм не стал бы. Плавать он не умел и водоемы глубже собственной ванны терпеть не мог.

Пропахший йодом и солью воздух приходилось чуть ли не глотать. Как перед грозой. Хорошо хоть брызги сюда не долетали. Только рев рассерженного моря, грохочущий шепот перекатывающейся гальки – голос древнего морского божества, что осталось без жертвы. Морской владыка искал Ваграма, чтобы утянуть в подводные чертоги. Так, по крайней мере, думал сам Ваграм. А что еще прикажете думать? Других людей, ни живых, ни мертвых, он не видал с того самого дня, как проснулся в опустевшем городе.

Ваграм и в «Октябрьский» приходил, чтобы хоть как-то от одиночества избавиться. Что ни говори, а молчаливый город – это очень страшно. Горожанин живет, не замечая при-

вычной ежедневной какофонии, гремучей смеси из шелеста шин, стука шагов, гомона голосов, музыки, воя сирен, грохота отбойных молотков, телефонных звонков и тысячи иных шумов, коим и названия-то нет. Раньше от всего этого Ваграм бежал в горы, подальше от дорог и туристических мекк. Только там приходило понимание, в каком чудовищном шуме он живет. Там он наслаждался тишиной и покоем. Теперь же, когда оглушительная тишина заняла город, Ваграм начал ее побаиваться.

Как-то раз, еще в самом начале, Ваграма занесло в Олимпийский парк. Тот самый, что в новостях мудрено именовали «прибрежным кластером». Что такое «кластер», Ваграм не знал. Слово казалось инопланетной помесью краба и бластера. Здесь, среди олимпийских стадионов, похожих на черепа мертвых исполинов, его с головой накрыло одиночество. Вернее, что это было на самом деле, Ваграм понял гораздо позже, а тогда, объятый ужасом, просто стоял на коленях и скулил, обхватив себя руками, – маленький человек на кладбище гигантов.

Одиночество было хуже всего. Не страх темноты, не полное непонимание происходящего, а именно одиночество. Темнота в страхе бежала от рыка дизельного генератора, непонимание пасовало перед железобетонным «на все воля Божья», и только одиночество не сдавало позиций, с каждым прожитым днем становясь все острее, горше и тошнотворнее. Его гадостный вкус не смывал даже дорогой коньяк, ко-

торого в городе внезапно стало слишком много для одного Ваграма.

Когда Ваграм собирался напиться, он ехал за город, оставив дома карабин и нож. Одиночество коварно, а отравленный алкоголем разум слаб и податлив. Ваграм боялся себя пьяного. Не раз и не два проскальзывала предательская мыслишка, будто нашептанная кем-то извне: «Ты-можешь-закончить-это-прямо-сейчас». Лишь боязнь Всевышнего уберегала от опрометчивого поступка. До поры до времени.

Однажды, выйдя из запоя, Ваграм обнаружил на руке глубокий, кое-как забинтованный порез, а на полу окровавленную «розочку» из коньячной бутылки. После этого алкоголь как отщептали. К счастью, Ваграм знал, где жили не очень хорошие ребята, которые продавали очень хорошую дурь... И, к счастью, Всевышний прибрал ребят, но дурь не тронул...

Ваграм поудобнее устроил «Вепрь» на коленях и принялся равномерно наполнять расстеленный блант зеленоватой махрой анаши. Ловко скрутил, взорвал не торопясь, со знанием дела. Подождал, пока голова наполнится приятной дымной пустотой, – когда в голове много места, мыслям легче двигаться. Они летают там, как космические спутники, помигивая красными сигнальными огоньками. Пока следишь за их полетом, можно понять, насколько та или иная мысль правильна. Иногда получается увидеть другую, более верную, которой раньше просто не замечал из-за тесноты и

нагромождения хлама в маленькой черепной коробке, упрямой под выгоревшей на солнце банданой. Ваграм медлил потому, что не был уверен в правильности выбора.

Добив косяк, Ваграм поскреб пятерней подбородок, заросший курчавой бородой. Приклад уперся в плечо, «Вебрь» оттягивал ладони приятной уверенной тяжестью. Карие глаза Ваграма впервые смотрели на Зверя сквозь прицел. Зверь же, до того неподвижно лежавший, вдруг встал, потянулся и принялся прохаживаться вдоль решетки, нервно оглаживая впалые бока хвостом. Будто и впрямь почувствовал, что находится в одном движении пальца от выстрела, в одном небольшом усилии мышц от смерти.

Красавец. Истощав, запаршивев, перемазавшись собственным дерьмом, тигр оставался тигром. Так пролежавший в земле меч, изъеденный ржой, продолжает источать опасную, агрессивную красоту.

* * *

Ваграм нашел Зверя случайно, когда, устав от одиночества, вспомнил про санаторий «Октябрьский». В городе лишь собаки да кошки, но они дичились мрачного двухметрового армянина с фигурой борца. Видать, звериным чутьем своим улавливали, что в прошлом Ваграм работал на отлове бродячих животных и не десяток, не сотня даже загубленных бродяжек на его личном счету. Таило обиду четвероно-

гое племя и обходило душегуба десятой дорогой.

Были еще птицы и крысы. Этих за последние месяцы расплодилось без счету, шагу не ступить. Чувствовали они себя вольготно, жрали все, до чего добирались, попутно подкармливая собой разросшиеся кошачье-собачьи армии. Но ни пернатые, ни грызуны не годились на роль домашних питомцев. Их устраивал мир без двуногих разносчиков смерти, и они с радостью разоряли город, приспособливая каменные пещеры человека под собственные нужды.

А в «Октябрьском» был зоопарк. Компактный, как немного разросшийся живой уголок, но вполне себе настоящий. Даже экзотическое зверье имелось, не только козы и курицы, на радость не избалованной фауной городской детворе. Но главное – главное! – там был Зверь, дикий заключенный в полосатой робе. И он умирал.

Впалые бока судорожно вздымались и опадали. Желтые глаза выцвели, подернулись пленкой. Меж желтых зубов вывалился распухший язык, шершавый, как наждак. Ваграм еще подумал, что все дохлые кошки одинаковы, будь в них хоть пять, хоть сто пять килограммов. Зверь не мигая смотрел на человека. Без мольбы, без укора. Просто смотрел. Делал все, на что хватало уходящих сил, – смотрел и дышал.

Ваграм первым прервал странные гляделки. Прикрыв банданой нижнюю часть лица, прошелся между вольерами. Объединенные мелкими хищниками, распухшие на жаре мертвые звери чудовищно воняли. Почему тигр был все еще жив,

Ваграм не понимал, но животное упрямство Зверя заужал крепко. Так крепко, что отыскал пустую канистру, наполнил водой и потащил к вольеру. Он не был жалостливым, но такую смерть считал унижительной и несправедливой. Смерть шавки, не тигра.

Зверь лакал теплую стоялую воду прямо с бетонного пола, все так же лежа на боку. Полканистры спустя он нашел в себе силы перевернуться на живот. Все это время кошачьи глаза неотрывно следили за Ваграмом, и даже искры благодарности не было в этом желтом пламени.

Канистра опустела. Зверь немислимым усилием поднялся на лапы, обмахивая мокрую морду языком. Всем своим видом он просил добавки. Не просил даже – требовал! От такой наглости Ваграм расхохотался, шлепая себя по ляжкам. Ни выпивка, ни трава не приносили ему такой радости и умиротворения. Ваграм нашел лекарство от одиночества.

Зверь стал его отдушиной, жилеткой для слез, хотя Ваграм и не плакал. Он приходил к вольеру в любое время, иногда по ночам, когда звенящая от комариного писка духота гнала сон. Под коньяк с лимоном хорошо шли задушевные разговоры о прошлом. Под косячок лучше строились псевдонаучные гипотезы об устройстве мира и о том, почему все случилось именно так, а не иначе. Ваграм же для Зверя стал тем, кем обычно становится человек для домашней кошки, – прислужгой для наполнения миски и чистки лотка. С лотком не заладилось, в клетку входить Ваграм опасался,

а вот с миской сложилось удачно.

Конец света?! А что конец света? Было, да прошло. По-няв и приняв это, Ваграм решил выстраивать жизнь заново – недостатка в стройматериалах не было. Он завел карту и взял за правило отмечать пройденные маршруты. Здесь – склад с продуктами, одних только консервов хватит на несколько лет. Отметить изображением куриной ножки. Здесь – охотничий магазин: ружья, патроны, ножи, целый арсенал. Нарисовать пулю. Тут вот горючка, бензин, дизельное топливо в бочках, заправляйся не хочу! Нарисовать канистру. А вот тут шмотки, поди пойми, зачем отметил. С начала мая Ваграм носил все те же шорты, просторную футболку и выцветшую бандану.

Рисовать Ваграм не умел. Все его «курочки» походили на «пули», а те, в свою очередь, мало чем отличались от «канистр». Рисунки отдаленно напоминали геометрические фигуры, в лучшем случае. В чужих руках пользы от таких отметок – чуть. Беда в том, что других рук, кроме ваграмовых, в мире, похоже, не осталось.

Неторопливо закрашивая белые пятна, Ваграм обошел весь город, так и не встретив ни единого человека. Подобно белке, собирающей припасы на зиму, он копил отметки на карте. Уже через месяц одних только «куриных ножек» набралось столько, что с лихвой хватало до конца жизни, но Ваграм продолжал методично разведывать новые и новые точки. Так он его и обнаружил – самый обычный продукто-

вый склад, где, Всевышний ведаёт почему, имелся работающий рефрижератор, до отказа набитый морожеными свиниными тушами.

Наверное, можно было объяснить все без мистики. Аварийный генератор где-нибудь в подвале, например. Или... да мало ли?! Но Ваграм умел видеть знаки, что посылает Всевышний. Единственный работающий холодильник в городе без электричества – это неспроста. Это Знак. Оставалось понять: зачем Ваграму столько мяса? А потом появился Зверь, и все встало на свои места.

Для поездок «в холодильник» Ваграм приспособил пикап. Забрасывал в кузов две-три туши и вез через весь город. Уже в санатории разрубал мясо на широкой колоде, что установил недалеко от вольера. Зверь меланхолично следил за работающим человеком, нетерпения не выказывал. Только влажные черные ноздри подрагивали едва-едва, когда их щекотал пряный запах оттаявшей крови.

Зверь насыщался до середины лета. Где-то с месяц, может, чуть больше, Ваграм давно не следил за временем. На отменной жирной свинине полосатые тигриные бока округлились, грязная шерсть налилась здоровым блеском. Зверь вдоволь ел, вволю пил, сладко спал, вынужденно слушал болтовню обкурившегося человека и все, казалось, ждал чего-то. Ваграм же не ждал ничего. Сделав крутой поворот, жизнь упала колесами в новую колею и покатилась, поскрипывая осями. Убаюканный мнимым спокойствием, Ваграм

забылся, расслабился и тут же схлопотал от Всевышнего заслуженный подзатыльник.

* * *

Гладкая металлическая ручка с лязгом упала, поднимая засов. Уже тогда Ваграм почувствовал неладное. Но руки привычно потянули тяжеленную створку, распахивая холодильник. За секунду до того, как в лицо пахнуло душным смрадом, одурманенный травой мозг наконец отыскал ту неладную деталь, что не давала ему покоя. Ручка. Она была теплой. А потом Ваграма скрутил резкий и болезненный приступ рвоты.

Кое-как умирив бунтующий желудок, Ваграм отполз от дверей подальше. Содрав бандану, с силой прижал пахнущий потом и перхотью платок к носу. Рвало Ваграма обильно, в ноздрях застряли крохотные кусочки непереваренной гречки с тушенкой. Стараясь дышать неглубоко и ровно, Ваграм отер лицо. Такой чудовищной вони ему не доводилось ощущать даже у вольеров с мертвым зверьем. Неудивительно, холодильник вмещал сотни две свиных туш, не меньше. Удивительно другое – Ваграм был здесь полтора дня назад. За это время, даже отключись холодильник сразу после его отъезда, мясо никак не могло протухнуть до такого состояния.

Дыша через платок, сдавленно матерясь, Ваграм вытащил

из лужи блевотины упавший фонарь, обтер о шорты. В желудке ворочались колючие спазмы. Придерживая фонарь над головой, он ногой подцепил дверь. Луч вытянулся, вонзаясь в темное нутро холодильника желтой спицей, и Ваграма затрясло по-настоящему.

Заледенел загривок, слипшиеся от пота волосы зашевелились. Ваграм до скрипа сжал зубы, чтобы не заорать. Из прикушенной губы потекло горячее, солоноватое. Под пальцами закрипел пластиковый корпус фонарика. Ваграм остро пожалел, что оставил оружие в машине. Оно бы помогло избавиться от немощи, внезапно охватившей все тело. Помогло прогнать страх или хотя бы справиться с ним. Но чертов карабин в пикапе, на заднем сиденье, покрывался пылью уже второй месяц...

За спиной почудилось движение. Сквозняк? Или кто-то прячется там, в темноте, жметя вдоль стен, подбираясь на расстояние прыжка? Ваграм завертелся, полосуя тьму лучом фонаря. Он пластал ее на куски, она тут же срасталась, становясь гуще, чернее и опаснее. Никто не таился в складках ее бархата, никто не крался к Ваграму, припадая к холодному полу мягким брюхом. Взяв себя в руки, Ваграм снова ткнул фонарем в черный проем холодильника. Может, показалось?

Не показалось. Дверь распахнулась едва наполовину, но этого хватало. Вдоль тонкой светлой дорожки в темноту уходила бесконечная вереница железных крюков, и на каждом – человеческое тело. Ближе всех висела полная женщина с

отвисшим животом и грудями. Бескровная кожа отливала алебастром, подбородок, из которого рос порыжевший крюк, задрался в потолок. Окоченевшие руки слегка разведены в стороны, и женщина еле заметно покачивалась, словно танцуя под неслышную музыку, купаясь в пылинках, вспыхивающих под рассеянным взглядом фонаря.

Запахи пота, блевотины и падали мутили сознание. Ваграм развернулся на ватных ногах и, цепляясь за стены, чтобы не упасть, поплелся к выходу. Фонарь бесполезно болтался в руке, высвечивая стоптанные сандалии, шаркающие по бетонному полу. Сил на большее не осталось. Казалось, их не осталось даже на страх, но, когда позади, в темноте, тихонько звякнула натянувшаяся цепь, Ваграм припустился с места испуганным зайцем.

На свежем воздухе в голове прояснилось. Снаружи пекло солнце, и ветер шуршал листьями акаций, наполняя легкие Ваграма йодистым морским воздухом. Где-то вдалеке визливо горланили дерущиеся чайки. Никто не мчался следом, снедаемый жаждой свежей крови. Дрожащей рукой Ваграм вытащил из бардачка загодя свернутую самокрутку. Раскурил с третьего раза, но, бросив взгляд на полутемный склад, выронил косяк, так толком и не затянувшись. Сжав губы, Ваграм подозрительно всматривался в проем складских ворот. Может, и впрямь показалось? Столько курить, вот мозг и закипел... Но что-то ворочалось в голове, стучалось изнутри, не давало покоя.

Ваграм поднял оброненную самокрутку, аккуратно сдул пыль и взорвал по новой. Руки еще тряслись от пережитого ужаса, но теперь он смог обдумать все спокойно и взвешенно. Мысли-спутники полетели по черному космосу черепной коробки. Ваграм следил за их полетом, выхватывая те, что казались ему правильными. Склад обнаружился незадолго до появления Зверя. Единственный склад с рабочим холодильником. И это был Знак. Холодильник сломался, стоило Зверю отъесться, вернуть силы. Совпадение ли?

С каждой затяжкой замысел Всевышнего вырисовывался твердыми уверенными линиями, становясь понятным и простым. Бог давал Ваграму Цель и позаботился, чтобы все было по-честному. Вот только... Ваграм задумчиво отщелкнул хабарик в сторону... Вот только неужели все это время в холодильнике висели мертвые люди? Чем на самом деле он выкармливал умирающего Зверя? Чьи тела разделявал на деревянной колоде? Или это видение с потайным смыслом?

Ваграм сплюнул и полез в машину. Пусть некоторые догадки так и останутся всего лишь догадками, решил он. Ничто в мире не заставило бы его вернуться к холодильнику.

* * *

Зверь пронзительно взрыкнул, и Ваграм вывалился в реальный мир, ошалело моргая. Заснул? Или задумался, переживая давешний кошмар? Сложив ладони козырьком, он

прищурился, глядя на небо. Оранжевый блин солнца, скрытый туманной дымкой, почти докатился до зенита. От утра не осталось и следа, день в самом разгаре. Получается, тигр разбудил его.

Ваграм вскочил, пораженный. С колен на землю с глухим стуком упал карабин. Карие глаза Ваграма поймали нетерпеливый тигриный взгляд. Зверь раскатисто зарычал во второй раз! Подал голос, и в голосе этом явственно слышался вопрос. Никогда прежде Зверь не разговаривал с Ваграмом. Никогда. И это был завершающий Знак. Щелкнул предохранитель. Взяв «Вепрь» наизготовку, Ваграм вплотную подошел к вольеру. Зверь бесстрашно рявкнул на медлительного двуногого, подгоняя: убей или отпусти. Ваграм решительно вскинул карабин и выстрелил.

Грохот лавиной прокатился по опустевшему санаторию. С платанов испуганно сорвалась воробьиная стайка. На побережье разорались потревоженные чайки. Тяжелый амбарный замок повис на ушке, зияя развороченным нутром. Зверь вжался в решетку, припав на передние лапы. Он готовился драться. Ваграм ухмыльнулся: такой противник нравился ему куда больше умирающего от голода и жажды.

Настороженно поглядывая на Зверя, он стволом карабина толкнул дверь вольера, оставляя узкий проход. Пятясь, отошел на несколько шагов и там застыл, держа Зверя на мушке. Тот не заставил себя долго ждать. Гибкой оранжево-черной тенью скользнул в проем и в несколько прыжков скрылся из

виду, затерялся среди густых зарослей. Глядя ему вслед, Ваграм с облегчением выдохнул, опуская карабин.

– Беги, тезка ¹, беги, – улыбаясь, напутствовал он. – Только совсем не убегай... Мы с тобой не договорили еще.

С карабином в руках Ваграм покидал санаторий. Здесь его больше ничего не держало. Всякий раз, когда путь его пролегал мимо густых кустов, сердце тревожно замирало, а глаза выискивали среди мясистой листвы готового к прыжку тигра. Мысль, что в городе больше не безопасно, пугала Ваграма и одновременно наполняла новыми силами. Он боялся предстоящей схватки и жаждал ее. Пришло время выяснить, кому принадлежит этот мир: Человеку или Зверю.

Выбравшись из «Октябрьского», Ваграм запрыгнул в машину и, окрыленный, помчался домой, готовится. Божественная игра началась.

¹ Ваграм (арм.) – стремительность тигра.

Искатель

Курган, июль

Продуктовая тележка наполнялась неспешно. Хрустя упаковкой, на дно падали пачки чипсов, соленые сухарики, крекеры, попкорн, шоколадные круассаны и консервированные ананасы, плитки молочного шоколада, кукурузные палочки, вяленые кальмары и печенье (опять же шоколадное). Сверху, основательно придавив набранное добро, Паша поставил упаковку двухлитровых бутылок «Пепси». Многозначительно поправил очки. Вот такую еду он любил!

Вредно, да, мама всегда говорила, что чипсы и сухарики для Паши – медленный яд. Но где теперь мама? Где теперь все эти люди, что заботливо порхали вокруг, оберегая его хрупкое здоровье? Мама, бабушка, тетя Зина, диетолог Семен Исаакович – больше никогда не станут ему указывать, что, когда и в каком количестве он должен есть. Стоило, конечно, признать, что резон в их словах был. За полгода, минувшие С-Тех-Пор-Как-Это-Случилось, Паша набрал десять кило, уверенно перевалив за сто двадцать. Одутловатое лицо его сплошь усеяли черные точки созревших угрей и алеющие бугорки свежих прыщей. Но сам себя не побалуешь – никто не побалует. Тем более теперь.

В отделе «Овощи – фрукты» кружился рой мошек. Если

направить фонарь на лотки, черный ковер недовольно шевельнется, распадаясь на полчища мух. Паша с сожалением протопал мимо. Хотелось бананов, да только где их взять? Без электричества уцелели лишь консервы да бакалея. Пока держалась весна, на редкость хмурая и холодная, Паша лакомился яблоками, грушами, похожими на пластик помидорами и просроченными йогуртами. Лето превратило овощи и фрукты в клейкую гниль, наполненную личинками насекомых. Сейчас бананы, наверное, остались только в Африке, в первозданном виде, на деревьях. Как и молоко – в сельской местности в живых коровах. Долше всех держались лук и картофель, но сдались и они, стоило лету войти в свои права. Впрочем, для одного человека еды все равно оставалось более чем достаточно. На одних только макаронах Паша мог спокойно существовать до конца дней. Но когда вставал выбор, макароны или чипсы, он всегда выбирал чипсы. Готовка и Паша существовали в разных измерениях и друг с другом не пересекались.

Возле стенда с орешками и мармеладом он остановился. Толстые пальцы зачерпнули горсть сушеных бананов и отправили в рот. Не то, конечно, но на безбананье сойдет. Паша набил целлофановый пакетик банановыми чипсами, изюмом и орехами. Подумав немного, насыпал в отдельный пакет мармеладных червячков.

Мимо высоченных стендов, уставленных нескончаемыми запасами товаров, он потолкал тележку к кассам. Никаких

очередей! Обезлюдевший торговый центр радовался приходу Паши, ликующим эхом отзываясь на его шаги. Первые дни этот звук казался пугающим и жутким. Казалось, кто-то ходит по пустым залам, оставаясь невидимым, следит за ним, выжидая удобного момента. Для чего? О, да от психа, который шпионит за тобой, не показываясь на глаза, можно ожидать чего угодно! Потому-то поначалу Паша всегда носил разделочный нож «Золинген», самый большой, какой смог найти в отделе кухонных товаров. Но прошла неделя. За ней другая. И однажды Паша обнаружил, что одинокий звук собственных шагов ему больше не страшен.

Борясь с желанием разогнаться как следует и скатиться на тележке, он осторожно сошел по наклонному пандусу. Жаль, автомобиль в дверь не пролезает. Паша хихикнул, представив, как рассекает по залам, визжа шинами на поворотах и сшибая стойки с товарами. Решетчатый бок тележки притерся к дверям черного «Ауди ТТ», ободрал краску. Проснувшееся солнце потягивалось, красуясь отражением в окнах молчаливых домов, в давно не мытых витринах магазинов, в окошках и зеркалах автомобилей, запрудивших улицу Пушкина. Начинало припекать. Капли пота срывались с распаренного лба, падая на очки. Нынче узкие тротуары стали единственными по-настоящему свободными дорогами. Небольшой кабриолет при желании протискивался в таких местах, где намертво вставляли даже обычные легковушки. Тот самый случай, когда проще втянуть плечи, чем рас-

ширять дверной проем.

Паша ссыпал продукты на заднее сиденье и, тяжело дыша и утирая лоб, уселся за руль. Он и сам уже не верил, что когда-то не знал, с какой стороны подступиться к автомобилю. Но три месяца назад вопрос встал ребром: научиться водить либо сдохнуть от сердечного приступа, толкая тележку с продуктами в гору. Мягко и уютно заурчал двигатель, точно под капотом прятался здоровенный кот повышенной пушистости. Автомобиль тронулся с места – не быстро, но уверенно. Образцовый водитель за рулем! Жаль, что мама не видит. Она бы удивилась, каким взрослым и ответственным стал сын. Может, даже всплакнула бы от избытка чувств...

Путь до дома занимал минут пятнадцать. В свое время пришлось немало потрудиться, расчищая дорогу, убирая преграды и сталкивая с пешеходных переходов застывшие автомобили. То была пропитанная потом, наполненная мышечной болью и судорогами Неделя Каторжного Труда. Когда судьба припирала Пашу к стенке, он умел становиться упрямым и сильным. Зато теперь! Никогда раньше Паша не добирался до дома настолько быстро. Следовало случиться катастрофе, чтобы нашлось решение проблемы пробок в городе. Решение эффективное и до смешного простое: убрать, к чертовой матери, с улиц всех пешеходов, этих двуногих улиток! Тротуары для машин! Больше дорог для Короля Дорог!

Кабриолет проехал мимо широкого «лексуса», уткнувше-

гося разбитым передком в фонарный столб. Единственное ДТП на весь город, Паша точно знал, потому что исколесил его вдоль и поперек. Машин на дорогах хватало, но ни одна из них не врезалась в другую. Как будто все водители разом заглушили моторы и ушли в неизвестном направлении. А может, так и было, кто знает?

На прогретой солнцем крыше джипа нежилась крупная кошка черепахового окраса. На этом «лексусе», принадлежавшем когда-то местному депутату, Паша учился водить. Губы растянулись в глупой ухмылке. Он вспомнил, как гонял по дворам, вставив в магнитоу флешку с «Раммами» и выкрутив звук до предела. Аудиосистема у депутата стояла что надо! Воображая себя героем «ГТА», Паша палил по витринам из пистолета, найденного в полицейской машине. Стекло осыпалось с мелодичным звоном, добавляя к эху выстрелов и голосу Тиля Линдеманна хрупкие пронзительные звуки, будто кто-то кричал от боли.

Той же ночью Паша, трясаясь под тремя одеялами и замирая от страха, слушал, как орут запертые в квартирах кошки и собаки. Замогильный вой многих сотен глоток просачивался сквозь стены на улицу, где, подхваченный бродячими псами, усиливался многократно, унося к истончившейся луне четвероногую скорбь. Лишившись людей, город превратился в циклопических размеров живой труп. Пугающий кадавр, издающий по ночам леденящие кровь звуки. Паша сжимал пустой пистолет, с сожалением вспоминая каждый

отстрелянный патрон. До самого рассвета.

Сейчас это казалось смешным. Вспоминая себя тогдашнего, Паша смущался и краснел. Со временем он притерся к темноте и одиночеству. Угодившие в ловушки железных дверей домашние питомцы благополучно издохли, прекратив терзать гулкие улицы предсмертными воплями. Да и оружия в городе оказалось в достатке. Теперь Паша держал дома две автоматические винтовки с хорошей оптикой, автомат и несколько пистолетов, один из которых всегда брал на вылазку в город. Не потому, что всерьез чего-то опасался. Просто... последний человек на Земле обязан носить оружие, даже если вокруг нет ни вампиров, ни зомби. Чертовы собаки – и те, хоть и сбились в стаи, вели себя не агрессивно. Многие при виде потенциального хозяина начинали ностальгически вилять хвостами, растягивая беззубые пасти в добродушных улыбках. Иногда Паше всерьез хотелось, чтобы нечесанные шавки дали ему повод пальнуть пару раз по живым мишеням.

Домой он добрался без приключений. Как всегда. Привычно припарковался вплотную к подъезду. Штрафовать нынче некому, а тащить продукты лишние метры – нет уж, спасибо! Паша распихал еду по пакетам, стараясь равномерно распределять вес. Все, что не влезло, оставил на сиденьях. Прятать? От белок разве что. В последнее время белок в городе развелось в пугающих количествах. Пакеты оттягивали руки едва не до коленей. Проходя мимо лифта, Паша риту-

ально пнул его навеки застывшие дверцы. Хорошо хоть квартира на втором этаже.

Вообще с электричеством творились странные вещи. Его не было во всем городе, да. ТЭЦ остановились, когда некому стало работать. Но попадались места, которые этого как будто не знали. Наплевав на отсутствие электричества, день и ночь светилась аптека на улице Рихарда Зорге. Несмотря ни на что, каждый вечер зажигался одинокий фонарь на проспекте Конституции, у самого кольца. Был еще детский магазин на проспекте Машиностроителей. Жуткое место. Посреди погрузившегося во мрак города – аквариум с мягкими игрушками, покрытыми пылью, карликовыми манекенами, обряженными в детскую одежду, и куклами, чья кожа отливала синевой. В таких точках работали розетки, разгорались лампы, микроволновки с жужжанием разогревали пищу. Наверняка где-то был и действующий лифт. Вот только Паша не собирался съезжать, даже если бы отыскал таковой. Не из любви к родному гнезду, нет. Весь город теперь его дом. Вся страна. А может, и весь мир.

Но в Пашиной квартире работал телефон. И Паша верил, что это не случайно.

* * *

– Дорогая, я дома! – отдуваясь, прохрипел Паша. – Лови! Один пакет, тот, что потяжелее, шлепнулся на разложен-

ный диван, перевернулся и рассыпался шуршащим веером разноцветных упаковок. Пачки чипсов и сухариков потекли по смятой белоснежной простыне и застыли, коснувшись за-тянутой в черную сеточку стопы. Юля не ответила, не обернулась. Она лежала на животе, подложив руки под подбородок, широко разведя длинные ноги в кружевных чулках. Точно так же она лежала, когда Паша уходил «за добычей».

Второй пакет Паша поволок в кухню, привычки изживались непросто. Здесь, как и во всей квартире, царил небывалый порядок. Легко содержать дом в относительной чистоте, когда можно, не заморачиваясь, взять все новое. Паша уже давно использовал только одноразовую посуду: поел, сгреб все в мусорный мешок, выбросил в окно. Туда же отправлялось грязное постельное белье. Одежду Паша менял прямо в магазинах, оставляя после себя кучки смятых джинсов и перепачканных рубашек, как змея, сбрасывающая старую кожу.

Закуски из пакета перекочевали на полки холодильника, давным-давно переставшего оправдывать свое название. Смяв пакет, Паша сунул его в карман и пошел в прихожую. Проходя мимо безучастно лежащей Юли, он нахмурился, но ничего не сказал. В соседней квартире стояла Пашина гордость – здоровенный бензиновый генератор. Один лишь взгляд на это тяжеленное чудо техники заставлял Пашину спину немилосердно ныть, а руки – гореть сорванными мозолями. Зато этот монстр гарантированно превращал восем-

надцать литров бензина в пятнадцать часов жизни электроприборам. Фактически он волшебным образом возвращал большую часть прежней жизни! Жаль – без интернета... Паша с любовью называл его Генычем. Рычал Геныч страшно, вонял и того страшнее, потому и переехал в двушку к Жулиным. Тетя Рита Жулина дружила с Пашкиной мамой, доверяла ей поливать цветы, уезжая на дачу, всегда оставляла дубликат ключей. Удачно сложилось, что в День-Когда-Это-Случилось тетя Рита была на даче. Паша радовался, что избежал возни со вскрытием.

Стартер раскрутил двигатель с первого раза. Геныч кашлянул и затарахтел, мерно и громко. Две пустые канистры Паша вынес в коридор. Надо будет пополнить запасы. Захлопнув входную дверь, по привычке накинул цепочку. Так почему-то было спокойнее. Низкий рокот генератора слышался даже сквозь стены. Приятный звук. Теплый. В мире тотальной тишины очень не хватало звуков. Генератор дарил городу иллюзию жизни, как машина доктора Франкенштейна, оживляющая сшитое из мертвых тел чудовище.

Кожаное кресло привычно закряхтело, принимая в себя тучное тело. Бальзамом по сердцу разлилась мелодичная заставка загрузки «Виндоус». Паша с хрустом скрутил шею пластиковой бутылке и до краев наполнил любимую кружку. Единственная керамическая посуда, избежавшая кухонного окна, от постоянного использования она покрылась изнутри ровным коричневым налетом. Под хруст разрываемых паке-

тов со снеками лимонад весело шипел и пузырился. Паша сунул в рот горсть чипсов, пожевал, скривился. С недоумением поглядел на упаковку: «Со вкусом грибов». Как они угодили к нему в тележку? Грибы Паша терпеть не мог.

Повертев пачку в руках, он кинул ее Юле. Девушка не шелохнулась, исследуя немигающим взглядом потеки на обоях возле батареи. Чипсы рассыпались возле ее бледного остренького личика. Неопределенно хмыкнув, Паша вновь уткнулся в монитор. Три дня назад он изрядно выпотрошил геймерский магазинчик, притащил домой целую кучу дисков с играми и фильмами. Часть из них уже увеличила кучу мусора под окном, выходящим на задний двор, но интересного, новенького осталось куда как больше. Развлечения – это на вечер. Когда темнота вплотную подойдет к дому, а сон трусливо сбежит, Паша будет спасаться в обществе мертвых актеров и героев компьютерных стрелялок. Сейчас – время работы.

Устроив телефон на жирных ляжках, он открыл пиратскую базу данных. Паша никогда не думал, что данные других людей могут ему когда-нибудь всерьез понадобиться. Скачивал, скорее, чтобы было. А теперь вот – пригодилось. По этой базе он уже дошел до буквы «З». Дело двигалось медленно еще и потому, что порой Паша, психанув, надолго забрасывал обзвон. Он ел, пил, валялся на диване, трахался с Юлей, плевал в потолок, злился, яростно рубился в компьютер. День, другой, третий. Иногда неделю. Но короткие

бунты всегда кончались одним и тем же: Паша садился за монитор и клал телефон на колени. Пальцы-сосиски с трудом крутили диск, набирая очередной по списку номер. Всякий раз Паша тихонько сатанел, когда неловкие пальцы соскальзывали с маленьких пластиковых дырочек. Одним богам известно, какого труда стоило ему не расколотить этот допотопный музейный экспонат. Пару раз он пытался подключить к сети современный телефон с большими удобными кнопками, – без толку. Новые аппараты укоризненно молчали, будто Паша обманул их. Зато старый давал устойчивый длинный гудок. Правда, после набора номера он молниеносно превращался в череду коротких «занято», но Паша верил, что однажды, может быть, на другом краю Земли, кто-нибудь снимет трубку и ответит ему. А иначе – зачем все это?

Он отыскал в списке помеченную красным фамилию Зозулин, на которой остановился в последний раз. Зозулиных в списке оставалось еще десятка два. Тяжело вздохнув, Паша принялся крутить диск. Сначала мобильный... Короткие гудки. Потом – домашний... Та же история. Следующий Зозулин, существующий в виде строчки цифр. А за ним еще один. И еще. И так до самого конца, пока Зозулин не превратится в Зозулю. И дальше, в конец чудовищно огромного списка. Пока не сотрется указательный палец, а глаза не начнут слезиться от напряжения.

От компьютера Паша отъехал глубокой ночью, услышав, как чихает генератор, допивающий остатки бензина. Упаков-

ки из-под снегов валялись на полу разноцветной осенней листвой – такие же красно-желтые и шуршащие. Потягивая затекшие мышцы, Паша вышел на балкон, с наслаждением опустошил мочевой пузырь. Четыре литра «Пепси» давали о себе знать.

Потом он взгромоздился на Юлю, привычно уверенно вошел в нее и быстро, не растягивая, кончил. Девушка не пошевелилась, не поменяла позу, не отодвинула от лица чипсы со вкусом грибов. Она безучастно принимала Пашины ласки и так же безучастно приняла его семя.

* * *

До самого утра он прижимался к холодному неживому телу, зарывался лицом в искусно выполненную ложбинку на Юлиной шее и плакал. Хотелось тепла, человеческого, живого. Юля могла дать ему только вагину с внутренним подогревом.

Натуральная секс-кукла Юлия – самый дорогой товар секс-шопов города. Самое человеческое, что мог предложить Паше новый бесчеловечный мир.

Инквизитор и бродяга

Петрозаводск, июль

Дождь моросил, прибывая жирную золу, бывшую некогда Национальным краеведческим музеем. Скворцов наблюдал за пепелищем издали, кутаясь в долгополый охотничий плащ. Каменный Ленин все так же хмуро смотрел вперед, демонстративно не замечая поджигателя. До других зданий пожар не дотянулся, хотя старательно облизал оранжевым языком все стоящие рядом деревья, и все же красивая Круглая площадь была уничтожена. Стараниями Макара превращена в Полукруглую. Естественно, вождю, простоявшему здесь полсотни лет, это не понравилось. Глупость, но от такого пренебрежения в душе Макара недовольно ворочался червячок стыда.

Макар громко чихнул и плотнее завернулся в плащ. Как простыл по весне, бегая гольшом по улице, так до сих пор толком не выздоровел. Он никак не мог понять, что привело его сюда. Ни магазинов, ни складов, ни аптек, для будущего дела поживиться нечем. Да и не нужно ему ничего. За спиной тихо урчала на холостом ходу «Нива», бак был полон, а заднее сиденье и багажник доверху забиты полезными вещами.

Из кармана Макар достал мятую бумажку и еще раз бегло

пробежался по списку. Горючего четыре канистры, аккумулятор, запаска, домкрат – для машины. Тушенки два ящика да ящик рыбных консервов, гречки и макарон по мешку, воды двадцать бутылок, шоколад, сгущенка, чай – для него. Разный туристический скарб, фонарь, котелок, спальник с палаткой – для относительного комфорта. Под плащом, в удобной поясной кобуре, – ПМ с полной обоймой. Макару ничего не нужно здесь. Среди музеев и памятников нечего взять, кроме бесполезного прошлого.

В разрыв туч быстро заглянуло обеспокоенное солнце, и под его лучами что-то блеснуло на асфальте. Макар неохотно поплелся к памятнику. Десять шагов по проезжей части дались с трудом, ноги ни в какую не желали идти. Всё норовили остановиться, а то и вовсе повернуть назад. Но выбора уже не было. Макар понял, что именно за этим сюда и приехал. За своим прошлым.

Присев на корточки, Макар смахнул со скальпеля мусор. В воздухе расплзлись запахи мокрой листвы и пепла. Кривая монограмма царапнула взгляд – значит, не почудилось. Все это было взаправду. Тот, кто являлся ему по ночам, кто поджег музей, кто указал единственную работающую заправку, кто дал цель, в конце концов вернул и кусок прожитой жизни, самый болезненный и горький.

Странно, но рукоятка оказалась теплой. Скальпель белел хирургической сталью, и Макар против воли залюбовался его строгой функциональной красотой. Сейчас это было

единственное, что имело значение. Каким-то чудесным образом неяркий свет – похожий на лунный, только гораздо слабее, – наполнял смыслом его никчемную жизнь. Прошлое следует разжевать, проглотить и переварить, сколь бы горьким оно ни было. Он поднялся, сжимая скальпель холодной ладонью. Макар усвоил новое откровение.

* * *

Скворцов давно уже действовал по наитию. На бытовом уровне он решал мелкие вопросы самостоятельно: что поесть, где взять воды, как не заболеть и чем укрываться холодной ночью. В глобальном же плане Макар прекратил думать. Когда ему понадобился бензин, он собирался сливать его с других машин, как вдруг запрыгнул в «Ниву» и отправился через весь город к заправке на самой окраине. Дело было глубоким вечером, и он издалека заметил порядком подзабытый электрический свет рекламных вывесок. Заправка сияла, и Макару казалось, будто это самое удивительное, что он видел в жизни. Светилось табло с ценами за литр, желтели глаза уличных фонарей, призывно горели витрины. Все как раньше. А вокруг, на многие километры, – темный мертвый город, без перехода обрывающийся в темный мертвый лес. Все как сейчас.

Входить внутрь было, как впервые входить в девушку: сладостно и жутковато. До чертиков хотелось вновь окунуться в

старую жизнь, и страшно было тоже до чертиков. Макар стянул с витрины пачку «Воронцовских» со вкусом сыра. Задумчиво похрустывая сухариками, он бродил между стеллажами, вдыхая запах пыли. Заглянул за кассу, даже зашел в служебные помещения – ничего интересного. Тихонько гудели холодильники с пивом и напитками, исправно работали выключатели, холодно тлели лампы подсветки. Даже здоровенный кофейный автомат привычно проглотил купюру, слив взамен стакан мерзкой коричневой бурды, отдаленно пахнущей кофе. Не работал только компьютер, единственная по-настоящему интересная Макару вещь.

Прихлебывая обжигающую пародию на эспрессо, Скворцов вышел на улицу и, опять же по наитию, снял со стойки заправочный пистолет и сунул его в бензобак. Колонка щелкнула, загудела привычно, вздрогнула, точно пробудившееся большое животное. По шлангу шумно полился бензин. На табло побежал счетчик литров и денег, которых Макар не платил. Залив бак под завязку, колонка отключилась...

С тех пор он стал заправляться здесь. Правда, приезжал все больше днем. По ночам от этого места на коже проступали мурашки. Макар совершенно точно знал, когда он будет готов, когда последняя капля бензина упадет с пистолета в бак. Тогда заправка погрузится в сон, как весь город. Как весь мир.

В сон или смерть.

Покидая город, Макар решил заскочить еще в одно место. Не совсем по пути, но очень уж хотелось попрощаться перед отъездом. На проспекте Ленина, словно чирей на заднице, торчал уродливый торговый

центр циклопических размеров. Там проживал Енот. Он сам так представился и, объясняя прозвище, очертил грязным пальцем темные круги вокруг глаз. Это было в тот единственный раз, когда Макар видел его трезвым. Потом Енот осознал, что попал в рай, и их с трезвостью дорожки никогда более не пересекались.

Не пересекался Енот и с Макаром. Впрочем, тот и сам не слишком жаждал общаться с полоумным бродягой. В их первую встречу Енот едва не раскроил Макару голову арматуриной. Он был подобен зверю, что защищает свой ареал. И пах он, как зверь: смесью дерьма, немытой шерсти и застарелого пота. Большого труда Макару стоило убедить Енота, что не претендует, – нет, нет, что ты! – совсем не претендует на его новый дом. С тех пор они виделись всего пару раз, когда Макар, уставший от одиночества и собирательства, приходил к нему с бутылкой водки в кармане пальто. Енот общение принимал, но сам никогда не напрашивался.

Большой торговый центр имел все для жизни одного двухметрового бомжа со страшной спутанной бородой до самых

глаз. В продуктовом гипермаркете было вдоволь еды и бухла. В бутиках – одежды и обуви на несколько армий. Если хотелось спать, Енот топал в мебельный салон и там растягивался на обтянутом жаккардом диване. Чаще всего он вообще никуда не шел, падал прямо на улице, на лавочке, заваленной одеялами и пледами. Говорил, что здесь дышится легче. Макар не верил. Он думал, что причина куда менее романтична: Енот боится спать в огромном пустом здании.

Вот и сейчас он в подобии гнезда валялся на скамье перед входом. Подушки в наволочках из тончайшего шелка рассыпались по грязной мостовой, голова Енота запрокинулась, свесившись с лавки. Под сиденьем выстроилась батарея разномастных бутылок. Макар углядел черную метку «Джек Дэниэлс», широкобедрую толстушку «Хеннесси», прозрачную гильзу «Абсолюта», а за ними – несметное воинство опустошенной Енотом тары. Повсюду сновали голуби – большая стая, голов пятьдесят. Белый налет вездесущего птичьего помета местами покрывал мостовую ровным слоем. Лежка была засрана самым свинским образом – пакетами, банками, объедками, окурками, грязным тряпьем. Несло от нее так, что за пять шагов Макар прикрыл нос ладонью.

На шее Енота, под грязной кожей, билась сонная артерия, зачаровывая Макара мерным ритмом спящего сердца. Запрокинутый кадык ходил вверх-вниз, отчего белый ворот рубашки вздымался и опадал. Похоже, Енот переделся в чистое. Лучше бы помылся, честное слово... Осторожно обой-

дя лужицу рвоты, Макар встал в изголовье. Пальцы его осторожно легли на артерию, отсчитывая пульс. Тот, другой, совсем не походил на Енота, но одна общая черта у них имелась – вонь. Она навсегда въелась в память Макара. А еще, у того, другого, точно так же колотилась артерия...

* * *

С практики Макар всегда возвращался пешком. Полезно и для здоровья, и для тощего студенческого кошелька. Макар любил разнообразить маршруты, всякий раз стараясь пройти новым путем. Так сложилось тем днем, что ноги через полгорода вынесли его в парк на пересечении Красной и Анохина. Там ноги, недолго думая, потянули Макара вниз, к речке Неглинке, где плавали жирные ленивые утки.

Летом вдоль всей Неглинки ошивались бомжи. На глаза не лезли, но и не прятались особо. Мыли тару, мылись сами, чуть ли не жили в растущих на берегу кустах. Обстирывались тоже здесь. Иногда запаливали робкие костры и сидели кругом, хлебая из пластиковых стаканчиков дешевую водку. В основном бомжи были безобидные, сами боящиеся всех и вся, потому Макар скорее удивился, чем испугался, когда из ниоткуда выскочила лысая испитая рожа и заорала:

– Сотик есть?! Сотик?! Студент, есть сотик?!

Лысый тараторил как заведенный, и Макар не сразу понял, что «сотик» – это не сотня, а сотовый телефон. Гряз-

ные пальцы с почерневшими ногтями требовательно хватали Макара, утягивая вперед, через мост, за речку. И Макар пошел. Ограбления он не боялся, брать у него было решительно нечего, а старый телефон – сотик, как его именовал алкаш, – стоил копейки. Но на опухшей физиономии лысого явно отпечатался испуг, и будущий врач Макар Скворцов не смог пройти мимо.

– Саня там, это! Сотик нужен, студент! Ты это, звони! Саня там!

Они стояли полукругом. Человек шесть, разного роста, возраста и пола, но до странного одинаковые в своих засаленных олимпийках и трениках с растянутыми коленями. Они напоминали какую-то на редкость неудачливую спортивную команду, потрепанную, но не сдавшуюся. Завидев Макара бродяги расступились, открыв еще одного «спортсмена», растянувшегося на траве.

– Слышь, пацан, скорую надо вызывать. – Рыжеволосый бродяга утер нос, и Макар с удивлением понял, что это женщина. – А то кончится Санька. Вон как разбарабанило!

Макар подошел поближе, окунулся в густую вонь нечистых тел, точно в гнилое, затянутое ряской болото. Несчастный Санька хрипел, царапая распухшее горло. Глядя на него, Макар совершенно точно понимал: скорая не успеет. В голове всплывали выдержки из учебников и конспектов. Отек Квинке, анафилактический шок... Макар опустился на колени, вполуха слушая болтовню рыжей.

– Ему рыбы нельзя, вообще нельзя, а Витя бычков в томате приволок... Я грю, Саньк, ну нельзя ж тебе рыбы! А он выпил уже, храбрый стал, уйди, грит, дура... – Она наклонилась к синееющему лицу Саньки и выкрикнула: – Ну, кто теперь дура?! А?!

– Студент, сотик давай звони! – Рядом присел давешний лысый проводник. – Саня же!

Он многозначительно потыкал пальцем в умирающего товарища. Остальные согласно загудели. Санька захрипел, бешено вращая выпученными глазами. И Макар решился.

– Двое сюда, руки ему держите! – бросил он за спину. – И еще один нужен, голову держать...

– А скорую чё? – нахмурилась рыжая. – Сдохнет же придурок!

– Я скорая, – буркнул Макар, вынимая из кармана украденный на практике скальпель. – Спирт есть? Продезинфицировать надо...

Его уверенность со скоростью электрической искры переметнулась на бродяг. Два бородатых мужика, с виду крепких, уселись Саньке на руки. Лысый проводник ухватил товарища за голову, крепко вжал в траву. Ноги Саньки выделывали коленца, в нелепом танце отстукивали пятками о землю. Даже когда Макар уселся ему на грудь, ноги продолжали жить своей жизнью.

Откуда-то из-за спины появилась рука с бутылкой «Онежской», скальпель скупно омыло водкой. Резкий запах дешево-

го спирта отогнал вонь немых тел. Шея Саньки от грязи и загара стала коричневой, отросшая черная щетина топорщилась. Макар пробежался пальцами, выискивая место для надреза. Сонная артерия застучала в подушечки – не задеть бы... Хрипы с трудом пробивались сквозь сдавленное горло Саньки, но Макар пока еще чувствовал его несвежее дыхание.

Пальцы Макара замерли,

...вот здесь...

скачущие мысли

...трахеостомия...

собрались.

Руки не дрожали. В этом месте, чуть ниже адамова яблока, под натянутой кожей находится перешеек щитовидки. В учебниках сказано: скальпель должен быть очень острым, чтобы избежать отслоения... избежать отслоения чего там... к черту! Макар мысленно прочертил пунктир по смуглой шее и решительно чиркнул по нему скальпелем, рассекая надвое кожу и плоть. Крови вылилось немного, как и должно. Довольно улыбаясь, Макар обернулся, требовательно протягивая руку, и похолодел. Успокоившиеся было мысли вновь запрыгали обезумевшими зайцами...

...расширитель Труссо... дыхательная канюля... интубационная трубка...

И среди них одна – страшная, чудовищная, простая, как глоток паленой водки и такая же горькая: у них нет. У них

ни хрена нет! Да и откуда у сборища запойных бомжей расширитель Труссо?! У них даже...

– Ручка?.. – умоляюще пробормотал Скворцов. – Ручка?! Ручка нужна! Что-нибудь полое! Шариковая ручка, ну же!

Бродяги смотрели на него, как бараны на новые ворота. Они не понимали, чего от них хочет этот молодой студентик, внезапно подхвативший косноязычие. А Макар все бормотал одно и то же слово, как лысый бродяга, что несколько минут назад выпрашивал у него телефон.

– Ручка нужна, понимаешь?! – Сквозь слезы Скворцов посмотрел на рыжую алкоголичку, с интересом присевшую рядом с Санькой. – Шариковая...

Макар коленями ощущал: грудная клетка под ним больше не вздымается. И ноги. Санькины ноги перестали скрести землю. Напряженные черты лица расслабились, поплыли. Бродяги сомкнули кольцо, пытаясь разобраться, что же произошло. Рыжая сообразила первой.

– Мать твою, да ты ж его убил, падла криворукая! – заголосила она. – Ты ж ему... ты ж горло ему! Скотина!

Скворцов попытался встать. Ноги не держали, руки ходили ходуном, и Макар шлепнулся задом на остывающее тело.

– Ручка... – тупо повторил он.

И в этот момент что-то тяжелое и твердое врезалось ему в голову.

Скворцов потер затылок, точно ожидая обнаружить там шишку семилетней давности. Пальцы зарылись в отросшие волосы. Конечно, никакой шишки не оказалось, но тогда... О, тогда разъяренные бомжи вдоволь потоптались по Макару, чудо, что ничего не сломали. Оказавшись в полицейском УАЗе, Макар поначалу даже обрадовался.

Потом был домашний арест, и затяжной судебный процесс, и безразличный, вечно невыспавшийся адвокат, и усталый прокурор, глядящий сквозь обвиняемого. Как во сне, когда хочешь остановить происходящее и не можешь, с жизнью Макара творились страшные вещи. Позорное отчисление из университета, мерзотные статейки в местных газетах, и самое страшное – многим очень не понравилось, что судья ограничился условным сроком, решив не ломать мальчишке жизнь из-за какого-то бомжа, который не этим летом, так следующим, сам умер бы от паленки или ножа. Вот только общество внезапно прониклось судьбой невинно убиенного бродяги Саньки и жаждало возмездия. Меньше всего общество желало признавать, что само и порождает таких вот Саньков.

Спящий Енот раскатисто всхрапнул, попытался перевернуться на бок, но запутался в одеялах и вновь распластался морской звездой. Странно, но вид этого грязного, убого-

го человека вызывал у Макара почти что нежность. Бомжа Саньку никто не жалел, потому как бомж Санька был дрянно-человечишка. Просто обществу хотелось крови. Той, что вытекла из разрезанной Санькиной трахеи, обществу не хватало и на один зуб. Енот тоже дрянь, а вот, поди ж ты, почему-то жалко его... Может, потому, что прощаться со старым миром оказалось тяжелее, чем виделось Макару?

Быстро, пока не передумал, он зажал Еноту рот и полоснул скальпелем по бьющейся артерии. Дымящаяся кровь выстрелила на рукав, залив манжеты плаща едва не по локоть, в воздухе запахло свежим мясом. Испуганно взметнулись голуби, вмиг наводнив округу шумом сотни крыльев. Серые ничего не понимающие глаза Енота распахнулись, уставившись в небо. Он что-то промычал в ладонь Макару, попытался отодрать ее, но не смог. Так и вертелся, как огромная гусеница, не способная покинуть кокон. Две минуты спустя он истек кровью.

Скворцов для верности посидел еще немного. Встал, осторожно снимая обслюнявленную ладонь с мертвого лица. Под ботинками омерзительно чавкнуло, но Макар не стал смотреть вниз. Он увидел достаточно красного на сегодня.

Вытертый скальпель вернулся в карман. Скворцов побаивался, что острое лезвие прорежет подклад, но иного способа носки пока не придумал. Впрочем, скальпель вел себя мирно, лежал спокойно, ткань не дырявил. Конечно, неплохо было бы приспособить под него ножны или кобуру... На-

правляясь к машине, Макар с сомнением посмотрел на висящий на поясе ПМ: выбросить или оставить? Гулкое эхо шагов металось между мертвыми домами, нереально громкое, напоминающее топот копыт.

Иногда Макар останавливался и резко оборачивался через плечо. Пугающий перестук умолкал. Енот лежал неподвижно – первый и единственный мертвец нового мира, не считая тех, что гнили в могилах до того, как Земля очистилась. Где-то есть еще выжившие, такие же грешники, как Макар и Енот. Немного, но есть. Каким-то чудом они выпали из общего уравнения, зависли между небытием и посмертием. Предстояло отправить их туда, где им самое место, туда, куда он отправил Енота, и тогда Макару это зачтется. Оранжевые глаза, смеющиеся среди пламени, сказали ему об этом.

Напуганная голубиная стая возвращалась к насиженному месту. Хлопая крыльями, птицы рассаживались на брусчатке, на скамейках, на ворохе одеял. Один особенно наглый голубь опустил мертвецу на голову. В бороде Енота застряло много крошек. Голубь хотел есть.

Кормилица

Вологда, сентябрь

Ребенок заплакал ровно в четыре часа утра. Как и вчера. И позавчера. И всю прошлую неделю. Он плакал так уже несколько месяцев – ровно в четыре. Начинал с тихих всхлипов, плавно переходящих в полноценный рев маленького голодного человека. Под самое утро, когда ночь едва-едва начинала сдаваться. Колдовское время, таинственное и неприятное, наполненное кошмарами всех возможных сортов. Время, когда разум выпускает своих чудовищ на волю, порезвиться.

Раньше, когда города еще были заселены людьми, Лиза даже не подозревала о существовании этого страшного часа. Он был в ее жизни, да. Жил на циферблате старых механических часов, в программе передач для полуночников. Но при этом находился как бы в другом, параллельном мире. Реальная жизнь начиналась в восемь утра и заканчивалась в одиннадцать вечера. Максимум в два ночи, когда Лиза, уставшая и обычно недовольная проведенным временем, возвращалась с танцпола в «Луне», куда ее регулярно затаскивали подружки. Промежуток между отходом ко сну и пробуждением был призраком. Не злым, в общем-то, призраком. До поры до времени.

Позже, гораздо позже он явил свое истинное лицо, мертвенно-бледное, белозубое, страшное. Раскрылся в полной мере, только когда малыш начал плакать по ночам. Прежде он никогда не просыпался раньше восьми утра. Добросовестно посапывал в люльке, плямкая пухлыми губами да изредка переворачиваясь на другой бок. Прижимал крохотные кулачки к лицу, словно пытаясь натянуть одеяло до подбородка. Но все изменилось.

Малыш ревел самозабвенно и горестно. Лиза со стоном перевернулась на спину. За последние месяцы она научилась по плачу определять, стоит ли вообще подниматься с постели. За последние месяцы она вообще много чему научилась. Готовить еду на открытом огне, например. Пока она не раздобыла газовую горелку, ночное кормление было настоящей проблемой. С двух месяцев Лиза перестала кормить сына грудью. Перешла на молочные смеси из бутылочки. Не хотела испортить форму груди. Максиму бы это не понравилось.

Глаза привыкли к темноте. Спальня перестала быть безграничным сгустком мрака. Проявились очертания мебели, стен и зевающий рот дверного проема. Возле самого окна, чуть подсвеченная звездами, стояла деревянная люлька – маленькая зарешеченная тюрьма для маленького заключенного. Лиза нащупала ногами тапочки, прошаркала на кухню.

С самой первой секунды, когда глупый, дурацкий тест показал две проклятые полоски, Лиза возненавидела свое дитя. Ненависть ее росла вместе с плодом, становясь все боль-

ше с каждым утром, проведенным в обнимку с унитазом, с каждой бледной растяжкой на раздувшемся животе, с каждой вылезшей варикозной веной. И когда врач положил ей на грудь орущий розовый ком, Лиза не отказалась от новорожденного только потому, что Максиму бы это не понравилось.

Вспыхнула горелка, черные тени испуганно прыснули по углам кухни. Шесть ложек молочной смеси в бутылочку с охлажденным кипятком. Бутылочку в металлическую литровую кружку с водой. Кружку на огонь. Все движения на автопилоте. Каким-то краем сознания Лиза даже досматривала сон. Во сне она опять видела Максима. Он ласково улыбался, сверкая золотой фиксой, и что-то говорил. Вот только слов Лиза никак не могла разобрать.

Максим втравил ее в эту историю. Он настоял: рожай! Даже ударил Лизу по лицу, когда она робко заикнулась об аборте. Не сильно, всего лишь нос разбил. Но Лиза поняла правильно и покорно превратилась в инкубатор для нежеланного ребенка. Теперь Максима нет, а у нее на руках восьмимесячный сын, которого Лиза по-прежнему ненавидит. Ненавидит и боится потерять. Потому что, кроме кричащего, гадящего и постоянно требующего жрать существа, у нее никого нет. И если с ним что-то случится... О господи боже, если с ним что-то случится!..

В квартире стояла липкая духота. Ожидая, пока бутылочка разогреется, Лиза подошла к окну. Прохладное стекло немного остудило лоб. Грязные, сальные волосы упали на

щеки, и Лиза брезгливо поморщилась. С этим маленьким пожирателем времени она совершенно себя запустила. Впрочем, отсутствие горячей воды не располагало к частым ваннам. Лиза попыталась вспомнить, когда мылась в последний раз, и не смогла. Дни, недели, месяцы стали пустыми словами, за которыми не было ничего.

Ребенок надрывался. Сдавлив виски пальцами, Лиза присела за стол. Да, в квартире давно не мешало проветрить, но окна оставались закрытыми. Чтобы простыть, малышу много не нужно, достаточно легкого сквозняка. А что делать с больным ребенком, Лиза решительно не представляла. Одна только мысль об этом повергала в ужас. Любая аптека, любое лекарство к ее услугам, только все без толку. Что с ними делать, она все равно не знает. Раньше о решении любой проблемы можно было узнать у мамы или из интернета. Теперь же у нее осталась только проблема, и ни одного решения.

Лиза с содроганием вспоминала бесконечную весну, бессовестно растянувшуюся. Раньше она никогда не думала, что весна – это довольно холодное время года. В апреле батареи все еще жарили по-зимнему, таял снег, в окно все чаще заглядывало солнце. Даже когда отключилось отопление, днем дома было вполне комфортно. Но по ночам... Обняв ребенка, она зарывалась в ворох одеял и теплых вещей, как медведица в берлогу. А утром, разогревая заготовленную бутылочку, разжигала костер прямо на кухне. Лишь спустя неделю Лиза догадалась принести из охотничьего магазина ком-

пактную переносную буржуйку. Стало попроще. Летом было совсем хорошо, но три месяца промелькнули как один день. Попрыгунья Стрекоза ничему не научилась, ничего не запасла к осени, а деревья во дворе уже переоделись в рыжее с золотым.

Рев из комнаты становился все громче. До чего же обидно, что в итоге Максим оказался таким же козлом, как все мужики! Он все-таки ушел. Бросил ее с ребенком на руках. Мерзостнее всего, что мать снова, в который уже раз, оказалась права. Не связывайся с этим уркой, говорила она. Хапнешь горя, говорила она. Но Максим внимательный и сильный, отвечала Лиза. И он давно уже завязал.

Уже тогда Лиза чувствовала, что не права, что просто ищет оправдание своей нерешительности. Потому что на самом деле боялась Максима. Его узловатых татуированных рук, нахмуренных бровей, рассеченных старыми шрамами, его блестящей фальшивым золотом улыбки. Ничего она не могла ему противопоставить. Даже сказать ничего не могла, не то что сделать. Тряпка. Впрочем, какой смысл искать правых и виноватых, когда ни Максима, ни матери...

Заунывный вой распорол темное небо, и Лиза отпрянула от окна. Низ живота обложило тяжелыми ледяными булыжниками. Бедро больно ушиблось о стол, с грохотом опрокинулась кружка, разливая по линолеуму парящую воду. Бутылочка с питанием закатилась под стол, но Лиза даже не обратила на это внимания. Обжигая пальцы и шипя от боли, она

закрутила горелку и прижалась к стене так, чтобы с улицы никто не увидел.

Под окнами по асфальту зацокали когти. Поразительно, какие все же тонкие стены у этого дома! Сколько всего можно слышать, когда мир не просто погрузился в сон, а умер... Даже такую малость, как бегущую по асфальту собаку. Лиза надеялась, что это собака. Иногда она видела их – целые стаи осмелевших, наглых псов, новых уличных королей. Лиза обходила их стороной, а если собаки проявляли любопытство, прогоняла, бранясь и швыряя камни. Конечно это собака, кто же еще?

Пустой двор наполнился остервенелым рычанием. Кажется, там шел раздел добычи или территории. Лиза едва дышала, слушая, как грызутся невидимые дьяволы, оглашая воздух отчаянным визгом и злобным лаем. Она вжималась в стену, хотя в этих прятках не было никакого смысла. Ну, в самом деле, не полезут же они по стене, чтобы сожрать ее вместе с ребенком? И все же Лиза не шевелилась, покуда спор внизу не разрешился и победитель, с торжествующим лаем погнал побежденного куда-то во дворы. Потому что в глубине души боялась, что именно так они и сделают, увидев ее бледное лицо за грязным стеклом, – бросятся на стены и поползут вверх, подбираясь все ближе и ближе, сверкая голодными глазами. И еще боялась, что это будут не собаки.

Едва шум на улице стих, Лиза бросилась к тумбочке возле печки. Трясущимися руками раздвинула пакеты с кашами,

извлекая самое дорогое, самое нужное, единственную ценность, что у нее осталась: пухлый сверток, перемотанный серым скотчем. Их билет в люди, как любил говорить Максим. Жаль, воспользоваться этим билетом так и не удалось. Пять килограммов волшебного порошка, белого, как снег, чистого, как снег, обжигающего, как снег. Такое количество унесет тебя куда угодно – хоть на Сатурн, хоть в другую галактику! Туда-то уж точно не долетит этот раздражающий, надоедливый скулеж. Крики из комнаты стали совсем уж невыносимыми.

Бережно уложив сверток на стол, Лиза воровато огляделась по сторонам. Привычка есть привычка, никуда от нее не деться. Хотя казалось бы! Ну, увидит кто-то, и что? В тюрьму посадит? Смех, да и только. Порой Лизе казалось, что встретиться ей другой человек, и она с радостью отдаст ему весь порошок, все, до последней крупички! Ну, не весь, конечно, но половину. Половину отдаст точно. Другой половины ей самой хватит до конца жизни. Только бы нашелся тот, другой...

Как ни было страшно, а свечу пришлось зажечь. В душном воздухе запахло горелым парафином. Ложкой, той самой, что набирала детское питание, Лиза зачерпнула немного порошка. Привычно подставила закопченное черпало под огонек. Разогрела, втянула в шприц, деловито обстучала, выгоняя пузырьки воздуха. Вены вздулись, перетянутые медицинским жгутом. Лиза не почувствовала боли, когда игла

впрыснула в нее концентрированное блаженство. Три доли счастья, две доли экстаза, аккуратно смешать с кровью, подавать прямо в мозг.

Сползая по стулу, Лиза в который раз подумала, как же похож ее порошок на детское питание. Такой же белый, рассыпчатый. Она вдруг заволновалась, представив, что может перепутать, растворить в пластиковой бутылочке шесть ложек героина вместо молочной смеси. Но мчащийся по крови наркотик утаскивал за собой, в пучину беззаботного незамутненного счастья, и летящие навстречу потоки радужной радости вымывали мысли, делая голову божественно пустой и воздушной.

Сидя на полу, прижимаясь щекой к нагретому сиденью, Лиза вдруг вспомнила, что однажды уже сделала это. Перепутала порошки. Влила в сына смертельную дозу наркотиков.

И все обошлось. И все было хорошо. Вон как кричит – подушкой не заткнешь.

Лиза выгнулась, словно пытаясь сбросить со спины сладостную дрожь. Максим стоял перед ней, протягивая татуированную руку. Его улыбка блестела золотом, а в глазах...

В глазах плясало оранжевое дьявольское пламя.

Параноик и художник

Казань, сентябрь

Владлен был трусом, сколько себя помнил. С детства боялся собак и темноты. Завидев кружащую рядом осу, с ревом убегал к матери. Плавать боялся, до икоты. С водой у него вообще не ладилось. Еще боялся чудовищ, даже самых сказочных и безобидных, вроде Бабы-Яги. Бывало, ночами не мог сомкнуть глаз, слушая, как они ворочаются там, под кроватью, среди пыли и потерянных навсегда игрушек.

Когда родители все же запихнули его в детский сад, Владлен долгое время не ходил в общий туалет. Специально для него горшок нянечка ставила в раздевалке. Пятилетний Владик просто не мог заставить себя войти в жуткую комнату, где даже кафельная плитка провоняла едкой хлоркой. Этот страх он сумел перебороть, как после всю сознательную жизнь изничтожал свои многочисленные фобии. Однако в глазах детей, жестоких маленьких ублюдков, Владлен навсегда остался ссыклом и засранцем, который гадит в раздевалке, потому что боится зайти в туалет. Тощий черноволосый мальчишка с огромными карими глазами стал изгоем, играть с которым отказывались даже ему подобные.

В школьные годы он превратился в угловатого подростка, неглупого и даже симпатичного, но остался парией. У него

отбирали деньги на завтрак и все более-менее ценные вещи. Его портфель с учебниками пропадал всякий раз, стоило ему выйти из класса, и находился (если находился) в заброшенной окурками луже на заднем дворе школы. Ему плевали в тетрадь, мазали стул собачьим дерьмом и клеивали в волосы жвачку. Про него писали матерные стишки на стенах. Не было такого обидного прозвища, которое бы на него не навесили одноклассницы, добрые, милые девочки, которые на выпускном вечере трогательно рыдали на пышной груди классной руководительницы, красной от шампанского и коньяка. Ему доставались подзатыльники, зуботычины и пинки. А иногда и кое-что пожестче.

В восьмом классе, на свою беду, Владлен отпросился в туалет во время урока истории. Там-то, в закутке на третьем этаже, равноудаленном от всех кабинетов, его и приняли местные панки-старшеклассники, забившиеся подальше от преподавательских маршрутов, покурить. Такого развлечения эта лохматая, немытая толпа в рваных джинсах и майках «Ramones» упустить не могла. Долгое время Владлена били, лениво, с отяжкой, пасуя друг другу по маленькому, сжатому кругу. Оскорбляли, унижали, заставляли слизывать с полу плевки, целовать пыльные, не знавшие щетки ботинки, а когда Владлен отказывался, били сильнее.

Под конец, распалившись от безответности и крови, пацаны творили такое, что сами потом не могли объяснить, стыдливо пряча глаза на Комиссии по делам несовершеннолет-

них. Владлена макали головой в унитаз, зажимая искривленный от боли рот, тушили бычки о вывернутые руки. Апофеоз наступил, когда Свин, второгодник из десятого «Г», подошел к стоящей на коленях жертве, расстегнул ширинку и, вытащив член, ткнул им в заплывшее лицо Владлена.

– Чамай давай, петушара! – визгливо потребовал Свин, настойчиво подсовывая набухающий конец к разбитым губам мальчика. – Соси, а то мы тебе сейчас все очко по кругу раздерем!

Владлена спасла уборщица, безликая серая старушка, круглые сутки таскающая по коридорам школы разлохмаченную швабру, похожую на старый дешевый парик. Как всегда, без предупреждения, уборщица вошла в сортир, грохнув жестяным ведром о стертый кафель. Подслеповатая, поначалу она ничего не поняла и не заметила. Только ругалась под нос, когда пробегающие мимо старшеклассники задевали ее плечами. Панки исчезли, как призраки с наступлением рассвета. А Владлен еще долго лежал, забившись в угол, между стеной и грязным унитазом.

В школьные годы он любил глядеть в небо. Приходил домой, с усилием открывал старые шпингалеты и часами сидел на подоконнике, свесив ноги, один на один с бескрайним миром. Всего в одном движении от свободного полета. Как ни странно, высоты Владлен не боялся. Почему он так и не сделал то маленькое движение: легкий толчок двумя руками, нырок ногами вперед, словно на уроке физкультуры, когда

перепрыгиваешь через козла? Владлен и сам не знал.

В институте стало немного легче. Другие люди, другое окружение, другие заботы. Даже самых отмороженных хулиганов больше волновало возможное отчисление, чем тихий задохлик в дешевых очках. Да и те в основном отсеялись после первого курса. Жизнь, кажется, начала налаживаться. По крайней мере, прекратились бесконечные переезды, череда новых школ, новых дворов. Травля закончилась, перейдя на какой-то ментальный уровень. Владлен все еще видел в себе прирожденную жертву, но уже пытался с этим бороться.

К пятому курсу большую часть страхов и комплексов удалось если не победить, то загнать глубоко в подкорку, похоронить под новыми впечатлениями и неистребимым желанием «жить, как все». Вот только общественные туалеты так и остались для Владлена табу. Перед выходом из дома он почти не ел. Жидкостей употреблял по минимуму. Тщательно следил за рационом, чтобы исключить любое расстройство желудка. И всегда, везде и всюду носил с собой пакетик активированного угля. На всякий случай. А если все-таки прижимало, предпочитал какую-нибудь подворотню.

Юноша вырос в высокого замкнутого сорокалетнего мужчину. Черные волосы выпали, то ли от наследственности, то ли от нервов. Очки сменились контактными линзами, отчего карие глаза казались еще больше, как у героев аниме. Сутулый, лысый, с крючковатым носом, Владлен напоминал упыря даже самому себе. Иногда он удивлялся, что зеркала его

по-прежнему отражают.

Ни семьи, ни постоянной девушки, ни домашнего питомца Владлен так и не завел. Жил бобылем в однокомнатной квартирке на девятом этаже. Он все так же любил сидеть у раскрытого окна, глядя в переменчивое небо, то безмятежное, то хмурое, но всегда бесконечное. Правда, ноги во двор больше не свешивал. Взрослый человек, сидящий на самом краю подоконника, вызывал у прохожих стойкое желание позвонить спасателям.

Другие убивают ненавистное время за компьютером, у телевизора. Они делают это, потому что боятся одиночества. Боятся остановиться, оглянуться и понять, что вокруг никого, только тишина. Поэтому они слушают громкую музыку, напиваются в шумных компаниях, а напившись, громогласно орут, как им хорошо. Владлен одиночества не боялся. Так же, как не боялся высоты. Окно было его монитором. В небе смотрел он киноленты из прошлого, старательно отбирая самые яркие, самые радужные пленки. Было их немного, чаще попадались черно-белые, страшные, наполненные стыдом и болью. Тогда Владлен вновь задумывался, отчего же, отчего он все еще не нырнул навстречу заставленному автомобилями двору. Но понять не мог, как ни пытался. Пока однажды не настал этот день.

День, когда все исчезли.

Долгое время Владлен не мог поверить. Боялся поверить. Перебарывая себя, бродил по непривычно молчаливому го-

роду, заглядывал в дома, магазины, спускался в подвалы, залезал на самые высокие крыши. Только облазав все закоулки, объездив окрестные деревни, истерзав радио, на любые действия отвечающее рассерженным змеиным шипением, Владлен осознал, что он – единственный человек на всем белом свете.

Это случилось в деревеньке с незапоминающимся названием. Побродив по дворам, где натыкался разве что на околешнюю домашнюю скотину, он вышел к сельскому магазину. Там, опустившись на холодный, покрытый трещинами асфальт, он обнял себя трясущимися руками и засмеялся в лицо желтому весеннему солнцу, которое отчего-то задрожало, расплылось и потекло по щекам Владлена обжигающими струйками. Резкий хохот носился в прохладном, чистом, потрясающе вкусном воздухе, вспарывая тишину. В этот момент Владлен понял главное: счастье может быть бесконечным. Как небо.

С этого дня началась его новая жизнь, в которой домом – безопасным домом – стала не унылая холостяцкая однушка, а весь мир. Владлен всегда хотел проверить, настолько ли он огромен, как кажется. Когда все блага человечества оказались к его услугам, Владлен отправился путешествовать. Сперва на велосипеде, приторочив походный рюкзачок на багажнике. Затем, где-то под Самарой, наткнулся на мотоцикл «Урал Турист», припаркованный возле поста ГИБДД. Машина отблескивала новеньким, только что с конвейера,

корпусом, а детали покрывала заводская смазка. Владлен обошел мотоцикл по кругу, примеряясь. Через два дня, когда более-менее освоился с управлением, он переложил рюкзак в коляску и отправился дальше, оставив велосипед грустно стоять у стены поста.

Подставляя лицо встречному ветру, Владлен колесил по мертвой стране, не пользуясь картами и указателями. Ехал, пока была дорога. Если дорога заканчивалась, разворачивался и ехал обратно, до ближайшей развилки. Когда хотелось есть, Владлен находил еду, когда хотелось спать, забирался на ночь в любой понравившийся дом. Если непогода или усталость застигали вдали от человеческого жилья, ставил палатку на обочине. За несколько месяцев он побывал в тысяче мест, нигде не задерживаясь надолго. Города, деревни, достопримечательности – не испытывая сожалений, Владлен оставлял их за спиной. И еще в памяти профессионального цифрового «Никона». Вечерами, лежа в чужой постели или на надувном матрасе в палатке, Владлен любил разглядывать снимки, заново переживая незнакомые ранее впечатления и эмоции. Еще на привалах он листал самоучители по фотографии. Ему нравилось самосовершенствоваться. Нравилось, что раз за разом снимки становятся профессиональнее. А то, что никто, кроме него, их не увидит, нравилось Владлену еще больше.

Так продолжалось несколько месяцев, пока однажды, на исходе сентября, его не занесло в Казань. Разбив стекло тор-

гового киоска, Владлен вооружился иллюстрированным путеводителем и принялся объезжать достопримечательности. Рокот мотора катился по улицам, распугивая птиц, потерявших всякий страх. Отражаясь от стен, он, как снежный ком, наматывал на себя эхо, превращаясь в раскатистый рев неведомого зверя. Владлен останавливался возле церквей и памятников, просто возле понравившихся домов и фотографировал, вдыхая воздух незнакомого города. Без машин, без человека центр Казани пах разогретым на солнце асфальтом, камнем и пылью. Лишь на окраинах и возле парков чувствовался сильный аромат прелой листвы, леса. Город постепенно переходил на натуральный парфюм.

Именно здесь счастье Владлена разбилось, столкнувшись с красной надписью, бегущей сверху вниз по самому небу. Громадное строение, никак не меньше сотни метров в высоту, сплошь стекло и бетон, отражало тонущие в светлой голубизне облака, и сперва Владлену показалось, что кровавые буквы висят в воздухе. От нахлынувшего ужаса он вцепился в руль, непроизвольно вывернув рукоятку газа на максимум. Мотоцикл надсадно взревел, пытаясь оторваться от земли. А перед широко распахнутыми глазами Владлена все маячила эта чудовищная надпись:

Я ЗДЕСЬ

И толстая двухметровая стрелка, указывающая на кры-

шу здания. И еще зачем-то открывающая скобка и две чер-
ты, образующие знак равенства. Сообразив, что означают
эти символы, Владлен задохнулся от ужаса. Кто-то обозна-
чил свое местонахождение и нарисовал громадный смайлик!
Смайлик! Как будто это весело!

Каким-то чудом, не иначе, Владлен умудрился никуда не
врезаться. Лишь проскрежетал «люлькой» по стене магази-
на да сшиб урну. Он вдруг понял, что мчится во весь опор
к этим пугающим буквам, и резко сбросил скорость. Под
прикрытием стен Владлен перевел дух. Показалось, или и
впрямь на крыше бликует солнцем оптический прицел? С
такой точки да с хорошей винтовкой можно снять человека и
за километр, Владлен читал об этом в журнале. Ловушка! А
что, если нет? Что, если там отчаявшийся одиночка, ждущий
помощи... и смайликом завлекающий людей на погибель?!
Господи, да что же там?! Кто же там?! Больше часа Владлен
провел под защитой городских стен, то сотрясаясь от страха,
то преисполняясь жадной деятельностью.

Спасти, помочь!

Сбежать, спрятаться!

В итоге он понял, что выбора, в общем-то, и нет. Хоть впе-
ред, хоть назад, ему придется выйти на открытое простран-
ство. Стать мишенью для снайпера. И потому Владлен ре-
шил: вперед. Не храбрость толкала его к пугающей надписи,
но понимание, что, сбежав, он не сомкнет этой ночью глаз.
И следующей ночью. И следующей тоже.

Еле тащась, старательно объезжая любое препятствие, Владлен приближался к нависшему над городом указателю, кровавыми литерами выцарапанному на нежном лице неба. Спина покрылась липким потом от одной мысли о встрече с живым человеком.

Но случилось иное.

Когда Владлен вывалился на крышу, сердце его бешено колотилось. Тридцать пять этажей он отмахал, даже не сбив дыхания, а последний пролет полз, будто к ногам привязали пудовые гири. Он перешагнул порог и отшатнулся в испуге, когда в лицо ему прилетела обгорелая тряпка, пахнувшая гарью и бензином. С недовольным граем с крыши снялась стая отожравшихся ворон. Владлен ступил на кровлю, неуверенно сжимая пистолет, который до сего дня ни разу не доставал из рюкзака. Здесь, так близко к небесам, ветра резвились не стесняясь. Они таскали по крыше куски горелой ткани, раскачивали почерневший каркас палатки и отнюдь не дружелюбно толкали Владлена в грудь, предлагая убраться подобру-поздорову.

Неподалеку валялись остатки сломанного мольберта, раскрытые чемоданчики, перевернутые банки, вытошнившие густую маслянистую краску, пластиковый стол с пробитой крышкой и раскладной туристский стульчик, изрезанный в клочья. Кругом пакеты с крупами, коробки с сухим картофельным пюре, пачки лапши быстрого приготовления – все разорванное, растоптанное. Владлен осторожно тронул нос-

ком кроссовки расколотую чашку с надписью «Универсиада 2013». Казалось, здесь бушевал какой-то дикий зверь, вымещающий злость на безответных предметах.

А в середине этого разрушительного урагана ярости лежало...

Владлен поспешно отвел глаза. С минуту постоял неподвижно, серией глубоких вдохов-выдохов выравнивая дыхание. Наконец, упрямо сжав губы, посмотрел на изувеченное обожженное тело, закрывшееся от кого-то скрюченными руками. От трупа все еще несло отвратительным запахом паленых волос и горелого мяса.

Нависнув над останками, Владлен въедливо изучал их, пока не почувствовал тошноту. Он торопливо отошел к краю крыши, пытаясь упорядочить полученную информацию. Руки мертвеца сломаны в предплечьях. Почерневшая кость выпирает из голени. Посреди лба небольшое отверстие, похожее на третий глаз. Неподалеку от тела две пустые канистры из-под бензина. Вряд ли покойный сам все это с собой провернул.

Очевидные выводы никак не желали оформиться в четкие мысли. Перед внутренним взором маячило исклеванное птицами лицо. Мыслей было всего две, но они полностью перевернули мироощущение.

Первая – он не единственный выживший. Уцелевших немного, но они есть. Может быть, прячутся, а может, их пути еще не пересекались.

И вторая – среди них есть убийца. Жестокое чудовище, убившее человека не ради пищи, а ради... ради удовольствия?

От этой мысли нестерпимо захотелось отлить. Но Владлен стерпел, борясь с болезненным сжатием мочевого пузыря. Не здесь, только не здесь! Он вдруг почувствовал себя маленьким мальчиком, зажатым в школьном туалете старшеклассниками. Беззащитным и напуганным.

Случилось самое плохое, что только могло случиться.
Страх вернулся.

Часть II

Полночь

Шлюха и смерть

* * *, сентябрь

Видеоигры от первого лица врут. Они пытаются подстроиться под вид-из-глаз, но все их потуги выглядят жалко и нелепо в сравнении с обычным человеческим зрением. Глаза видят не только картинку впереди да ствол пистолета, зажатый в вытянутой руке. Они одновременно фиксируют весь фронт тела, которому принадлежат, и, если тело это не обременено большим животом, вполне способны не выпускать из поля зрения даже ноги.

Макар видел себя целиком: остроносые лакированные мокасины, светло-серый костюм, пошитый из роскоши пополам с великолепием, белоснежные манжеты шелковой рубашки и растущие из них узкие ладони с длинными пальцами. Руки были чужими, старческими, с толстыми синими венами и редкими пока коричневыми пятнышками. Однако видел их Макар как свои. Да и все остальное тело отмечал периферийным зрением, вскользь, невзначай. Вот только ли-

ца никак не мог разглядеть.

Всегда видна какая-то часть лица: краешек щеки, губ, например. Особенно хорошо виден нос. Но не в этом случае. Макар попытался скосить глаза, чтобы рассмотреть чужой нос, но потерпел поражение. Глаза смотрели куда угодно – на плиточный тротуар, заваленный палой листвой, на грязные стекла пустых домов, на прозрачные лужи, – только не туда, куда хотел Макар. Скворцов попытался ущипнуть себя, но рука не послушалась.

Тогда-то он и понял, что спит...

* * *

Девчонка появилась ниоткуда. Лет пятнадцати, высокая, по-подростковому нескладная, угловатая и, в общем-то, некрасивая. Прикрыв рот узкими пальцами с кроваво-красными ногтями, она недоверчиво округлила глаза, жадно разглядывая Макара. Или, точнее, того, кто, сам того не ведая, нес Макара внутри себя. От этого Скворцову становилось немного неудобно. Сон получался слишком уж реалистичным.

Он стоял не шевелясь, точно перед ним был маленький олененок, готовый припуститься со всех ног от любого резкого движения. Пользуясь паузой, Макар с интересом разглядывал незнакомку. Волосы черные и какие-то неестественные. То ли парик, то ли выкрашены нещадно. На ли-

це обильный слой косметики, наложенной неумело, но старательно. Черный топ с черепком из страз, юбка, настолько короткая, что еще немного, и можно будет разглядеть нижнее белье, чулки в сетку и лакированные черные туфли на высоком каблучке. Максимум обнаженного тела, а ведь на улице уже не жарко. В пупке пирсинг, на предплечьях – браслеты, фенечки и несколько некрасиво зарубцевавшихся шрамов. Мечта неформала. Или анимешника. Или педофила. Макар мельком отметил, что мужчина, в чьей голове он оказался заперт, рассматривает девушку безэмоционально, без какого-либо сексуального подтекста. Ему даже стало немного обидно – мог бы получиться неплохой эротический сон.

Девчонка наконец отняла ладонь от лица, – пальцы перепачкались в помаде, – и спросила:

– Ты живой?

В ответ мужчина кивнул и улыбнулся... кажется... Макар все никак не мог определиться с его мимикой. Девчонка завизжала как ненормальная и бросилась ему на шею.

– Живой! О господи, ты живой! Настоящий! Боже, живой человек, живой!

Захлебываясь слезами, девушка тискала и мяла чужое тело, будто все никак не могла поверить в его реальность. Делала она это без всякого стеснения. Ее руки ощупывали мужчине грудь, лицо, забирались под пиджак, а один раз, Макар готов был поклясться в этом, легко скользнули по

ширинке брюк, словно проверяя, на месте ли содержимое.

Старческие руки в ответ отечески поглаживали девчонку по спине, по плечам, успокаивая, перебирали длинные черные волосы. Скальп с короткой рваной челкой немного съехал назад, открыв соломенные корни. Все-таки парик, подумал Макар. А жаль.

– Пойдем! Пойдем со мной! – Девушка потянула его за руку, и он послушно пошел за ней. – Господи, я не могу в это поверить... Ты вправду настоящий? Я не обкурилась?

Размазывая косметику по лицу, она счастливо улыбалась, а Макар с неожиданным раздражением отметил, что зубы у нее желтоватые, давно не чищенные. А еще от нее неприятно пахло потом. Издалека от девчонки веяло ароматами дорогих духов, из тех, про которые с телеэкранов рассказывали пластиковые красавицы с сексуальными голосами. Но даже они не могли полностью замаскировать кислую вонь немытого тела. Неуютный сон превращался в неприятный, однако вынырнуть из него никак не получалось. Скворцов напрягся, рванулся всем своим невесомым естеством прочь из чужой головы. На мгновение ему даже показалось, что все получилось, и он вот-вот проснется. Он даже увидел себя, будто в тумане, на продавленной тахте в незнакомой квартире, где-то у черта на куличках... А потом был сильнейший рывок, точно кто-то дернул за веревку, и он вернулся обратно.

Видимо, во сне время текло несколько иначе. Пока он от-

существовал, юная феечка успела добраться до своего жилища. Мужчина, а вместе с ним и Макар, сидел на расправленной постели, бесстрастно наблюдая, как девушка стягивает туфли. Она расчетливо наклонилась, позволяя легко разглядеть не только черные ажурные трусики, но и то, что под ними. И в каких только порнофильмах насмотрелась подобных приемов? Не имея возможности отвернуться, Скворцов принялся разглядывать комнату.

Типично женская обитель. Даже девчоночья, периода полового созревания. Все стены в плакатах смазливых киноактеров и брутальных рок-звезд, а постельное белье, между тем, розовенькое, с кружевами и рюшечками. Одеял несколько. Оно и понятно: отыскать генератор у девчонки ума не хватило, а по ночам сейчас прохладно. Трельяж... Макар с надеждой заглянул в зеркало, но нет, — с его места отражались только ноги в тщательно отглаженных брюках и серых носках. Он перевел взгляд ниже. Столик под трельяжем завален дорогой косметикой и духами. Целая армия флаконов, бутылочек, тюбиков, а между ними, словно грибы-мушкетеры, выглядывают гладкие головки дилдо.

Искусственные члены были разбросаны по всей спальне. На подоконнике, в рядок, уже покрытые пылью. Торчали из-под кровати. На тумбе, рядом с бесполезной настольной лампой, гордо стояла черная елда пугающих размеров. Даже среди подушек затерялся небольшой фаллос веселенькой оранжевой расцветки. Интересно, отрешенно подумал

Скворцов, что бы сказал про такой сон дядюшка Фрейд? Впрочем, каким-то краем сознания Макар начинал понимать, что происходящее – не совсем сон. Может быть, даже совсем не. Слишком все явственно – прикосновения, запахи, звуки, – слишком реалистично.

Девушка наконец-то закончила излишне долгую возню с туфлями, сев на пол и стянув их одну за другой. После чего она на коленях подползла вплотную к своему гостю. Между его раздвинутых колен девушка замерла. Мягкие ладони погладили бедра мужчины, густо подведенные глаза доверчиво смотрели снизу вверх.

– Ты не представляешь... Хотя нет, ты-то представляешь, как плохо одному, да? Ты меня понимаешь, правда? Но ты мужчина, а я... Мне еще тяжелее, так ведь?! Женщине нужно на кого-то опираться... прижиматься к кому-то по ночам...

Внутренне Скворцов скривился. Малолетке оставалось только эротично закусить нижней губу для полноты картины.

– Особенно сейчас, когда на улице так холодно... Если ты понимаешь, о чем я...

Она таки закусила губу, по-прежнему не сводя с мужчины глаз. Губы у нее были приятными, полными, но кривые нечищенные зубы сводили эффект на нет.

– Я та-а-ак давно мечтала, что кто-то придет и мне не нужно будет больше бояться... и больше не будет оди-

ноко... и холодно...

Пока ее пальцы умело расправлялись с брючным ремнем, мужчина сидел не шевелясь. Только когда девушка добралась до ширинки, едва заметно вздрогнул, но и только.

– Правда, я думала... только не обижайся... я ждала, что будет кто-то помоложе... Но ведь это не важно, правда? У тебя ведь там все работает, да?

По тому, как качнулась картинка, Макар понял, что мужчина кивнул.

– Во-о-от, во-о-от и хорошо-о-о... – заулыбалась девчонка, вовсю орудуя рукой в расстегнутой ширинке. – Раз есть ты, значит, есть и другие, правильно? Мы их обязательно найдем... Только сперва потрахаемся, да? Потрахаемся хорошенько. Во-о-от та-а-ак...

Разукрашенное косметикой лицо опустилось. Макар почувствовал, как снова вздрогнул мужчина. Коротко, скорее от омерзения, чем от возжеления. Черноволосый затылок мерно задвигался вверх-вниз, и Макар ощутил возбуждение. От малолетки по-прежнему несло потом, но тело, соскучившееся по женским ласкам, плевать хотело на условности. Скворцов даже немного поплыл, как если бы это ему сейчас делали минет. Потому-то и прозевал момент, когда узкая старческая ладонь нырнула под борт пиджака и вернулась оттуда уже с пистолетом. Блестящий ствол, чернотой своей похожий на дилдо с прикроватной тумбочки, зарылся в волосы

парика, между глазом и проколотым ухом. И прежде чем Макар успел что-либо подумать, оглушительно грохнул, заляпав стену кровью вперемешку с мозгами...

* * *

Выскочил ли Макар самостоятельно, или его безжалостно вытолкали, но пробуждение оказалось резким и даже болезненным. Из кровати его, мокрого от пота, дрожащего, выбросило как из пушки. С торчащим колом членом Макар носился по темным комнатам, не понимая, где он и что делает. Только повторял безостановочно, как заведенный:

– Сука! Сука! Сука! Сука, сука, сука!

В темноте под ноги бросалась какая-то мебель, норовя побольнее врезать по пальцам. Скворцов натыкался на углы и бился плечами о дверные проемы. В конце концов запнулся о скатанный ковер, растянулся во весь рост, со всего маху треснулся локтями о пол. От боли заматерился еще сильнее, наконец-то выдав все, на что способен.

В кухне Макар с размаху вышиб стекло стулом, смешав затхлый воздух пустой квартиры с уличным, свежим и безумно вкусным. Здесь, на сквозняке, стараясь унять бешено колотящееся сердце, Макар немного пришел в себя. Все еще дрожа то ли от страха, то ли от холода, он поднял глаза к звездному небу и сказал, как проклял:

– Надеюсь, эта тупая шлюха откусила тебе член, старый

ты козел!

В этот момент он почти верил, что сказанное каким-то образом долетит до адресата.

Праведные сестры

Ключи, ноябрь

Мать сожрали кошки.

Это не укладывалось в голове. Мать была вечной, как тайга, как солнце, как Енисей, чье широкое скованное льдом русло, обнесенное неровным гребнем елок, начиналось в какой-то сотне шагов от дома. Дом тоже был всегда, и всегда была мать. В сознании Любы и сестер само это место, глухая староверческая деревенька в сердце Красноярского края, звучало синонимом Вечности. Но, оказалось, даже Вечность ничто перед толпой вшивых голодных кошек, всеми силами желающих выжить. Они сожрали и переварили ее и нагадили на останки.

Вера и Надежда стояли у забора, возились с лыжами. Сестры выбрали отличные лыжи: легкие, прочные, скользкие по снегу, как сало по разогретой сковородке. В недалеком прошлом такие стоили небольшое состояние. Для сестер, с детства ходивших на деревянных советских кривулинах, это было сродни смене ботинок. Как если бы человек, полжизни носивший бетонные блоки, надел кеды. Весь остаток дороги сестры не шли – летели! Даже Надя, самая старшая, после марш-броска раскраснелась, но выглядела свежей.

Они добирались до матери долгие восемь месяцев. С того самого дня, как Господь явил Чудо, вознеся всех чад своих, сестры знали, чувствовали, что где-то там, в родном гнезде, так неосмотрительно покинутом почти сорок лет назад, их по-прежнему дожидается мать. Никогда еще путь домой не занимал так много времени. Но в мире, где не осталось водителей, человек, не умеющий обращаться с машинами, может рассчитывать лишь на свои ноги.

Усталые, натруженные ноги в стоптанных туфлях несли их, покуда хватало сил. Звонким топотом мимо зеленеющих городов и глухих деревень. Тихим шелестом по запруженным автострадам и пустынным шоссе. Хрустом гравия вдоль бесконечно ползущих за горизонт лестниц железных дорог, где застыли составы поездов, похожие на недоумевающих гусениц.

Однажды, где-то под Томском, сестры специально свернули на фермерское поле: посмотреть на аэрофлотовский «Ил». Ни повреждений, ни спасательных трапов, просто огромный самолет посреди колышущегося моря налитой пшеницы. Его недостигаемо высокие, наглухо задранные двери и затемненные иллюминаторы безотчетно нагоняли тихую жуть. Ночью, на стоянке, Любе и Надежде снился набитый мертвецами салон. Наутро они проснулись разбитыми и измученными и даже не удивились общему сну. В мире и без того хватало удивительных странностей. Вера тогда завела свою старую песню: мол, Бог ей во сне нашептал, что

бояться нечего, и салон самолета пуст так же, как весь мир, и там нет ничего, кроме тишины и пыли. Надежда вновь зашипела на младшую и велела замолчать, замолчать, пока не поздно.

В пути сестер нагнала зима. Туфли сменились унтами и лыжами, и дело пошло бодрее. Из последней точки, Енисейска, сестры вышли ранним утром, прихватив легкие котомки с едой и водой, подгоняемые близостью цели. Они уже пересекли полстраны. Что такое двенадцать часов бега по сугробам в сравнении с бессчетными километрами по пустым дорогам? Они мчались, как молодые, забыв, что младшей из них давно перевалило за пятьдесят. Они отдали этому марафону остаток сил, вложились в финальный рывок... и все равно опоздали.

Когда Люба открыла дверь, кошки хлынули на улицу, будто клопы, убегающие от дихлофоса. С диким мявом разношерстная орда вылетела из темных сеней. Одна, две, пять... На восьмой кошке Люба сбилась и перестала считать. Поняла лишь, что кошек больше – много больше! – двух десятков. Раззявленный рот тамбура выплевывал рыжих, пестрых, черных и белых с подпалинами, пушистых породистых сибиряков и неказистых дворняжек, молодых и старых, здоровых и истощенных. Точно подземные жители, они щурились на закатное солнце, отраженное в снегу, и тут же набрасывались на спекшиеся сугробы, одурев от жажды. Некоторые, завидев высокую немолодую женщину, так похожую на их быв-

шую хозяйку, останавливались. Кошки с надеждой вглядывались в блеклые глаза Любы, терлись об оленьи унты, требовательно мяукали. Мерзкие двуличные твари, прикидывающиеся друзьями человека!

Следом за кошками из сеней потянуло запахом беды, небывалой смесью затхлой сырости, кошачьих испражнений и густого духа смерти. Люба в нерешительности замерла, не в силах перенести ногу через порожек. Хрустя снегом, подошли сестры. Встали рядом, едва уместаясь на дощатых ступенях. Вера стянула мохнатую песцовую шапку, уронив на плечи толстые седые косы, и теперь с каким-то детским беспокойством месила ее узкими ссохшимися ладонями. Практичная Надежда прихватила лыжную палку, нацелила острие в черный дверной проем.

Боязно было входить внутрь, нырять лицом вперед, в темноту и жаркий смрад. И ясно уже, что ждет там, среди родных стен, а все одно, никак не соберутся ноги переступить злополучный порог. Точно за ним Рубикон, перейдя который уже не вернуться, не отмотать назад, и ужас станет необратимым.

От ползущего из дома нечистого тепла на лице проступил пот. Люба сбросила шапку на затылок, позволив ей болтаться на шнурках. Сорвала плотные рукавицы, сунула за пояс. «Капельница» работала исправно, наполняя дом жаром толстых металлических боков. Для живущей в деревне пожилой женщины («Да что там! – мысленно поправилась Лю-

ба. – Для древней женщины!») небольшая буржуйка с тонким шлангом, ведущим к бочке с соляжкой – настоящее спасение. Мать, конечно, была бодрой старухой, способной и воды с родника принести, и печь дровами загрузить, но ведь возраст не спрячешь. Люба осеклась, сообразив, что думает о матери в прошедшем времени. Мать – была.

Друг за дружкой, несмело, они шагнули под крышу. Вонь гнилого мяса усилилась. Спрятав нос в ладони, Люба двинулась привычным путем, через большую комнату, в материнскую спальню. Это было страшно неправильно – вот так, не сняв обувь, входить в дом, в котором вырос, но на соблюдение этикета попросту не осталось сил. К тому же пол густо усеивали кучки кошачьего помета, добавляющие резкую ноту в палитру тошнотворных ароматов. Собравшись между лопатками, по спине побежали струйки пота – от духоты не спасала даже распахнутая настежь дверь. Сколько же дней подряд жарит «капельница»? И ведь не погасла. Удивительно, как дом не сгорел.

Мать, вернее, то, что от нее осталось, они нашли на кровати, застеленной ярким лоскутным одеялом, загаженным и порванным. Объединенный остов с лохмотьями черного мяса. Кормовая база домашних питомцев. За спиной Любы сдавленно всхлипнула Надежда, а Вера, не удержавшись на дрожащих после долгого перехода ногах, тихо сползла по стене на пол.

Стараясь дышать через рот, Люба склонилась над остан-

ками, решительно завернула их в одеяло. Часть костей лежала подле кровати. Пришлось собирать их непослушными, негнушимися пальцами и укладывать в сверток, трогательно маленький, точно в него завернули ребенка. После смерти от матери осталось немного. Сестры посторонились, когда Люба, бережно подняв мать на руки, понесла ее на улицу.

В ночи они долго жгли костер. Сперва – отогревая промерзшую до состояния камня землю, затем – разгоняя темноту. Неглубокую, всего в метр, могилу, копали до полуночи, сменяясь через каждые десять минут. Без слез и причитаний опускали лоскутное одеяло в черную землю, ставили в изголовье восьмиконечный крест, наскоро сколоченный из штакетов. Забросав яму, долго стояли рядом. Втроем, под безразличным небом, вырядившимся на похороны в свои лучшие звездные драгоценности. Стояли, не обращая внимания на усталость, на крепнувший мороз, на гаснущий костер, даже на тоскливый волчий вой, что ветер приносил с той стороны Енисея.

Вокруг сновали кошки. Заходили в дом, выходили из дома, подходили к могиле. Самые смелые или самые истосковавшиеся по людской ласке садились на пяточок утоптанного снега, у ног трех сестер, добавляя в их молчание немного своего. Ни тени сожаления не было в зеленых кошачьих глазах. Только отблески багровеющих угольев. Бесстрастные усатые морды казались Любе резными ликами языческих богов.

Встав на колени, Люба черпала ладонями снег и терла пальцы, долго, настойчиво, чуть не до мяса. Хотела содрать с кожи мерзкое ощущение прикосновения к обглоданным костям, в которые превратилась мать. Обжигающий снег таял от жара ладоней, стекая по линиям жизни холодной водой.

* * *

На остаток ночи расположились в доме хромого Ермила. Сосед жил бобылем, так что кровать у него была одна, но лавок оказалось достаточно, чтобы соорудить лежанку. Растопили печь, наполняя дом живым теплом, запахом горящих березовых поленьев,

изгоняя студеную сырость. Расставили свечи, слегка потеснив вольготно разлегшуюся темноту. Не поев, не сняв одежды, рухнули без сил, кому где привелось. Уже лежа помолились, пытаясь изгнать из-под сомкнутых век пляшущее пламя. Но, когда на улице раздался громкий треск и грохот, все же с трудом встали и дотащились до окон, за которыми пылал, вскидывая в морозный воздух снопы оранжевых искр, родимый дом.

– «Капельница» протекла... – потеряв воспаленные глаза, устало проскрипела Надежда. – Надо было погасить.

Сказала безо всяких эмоций. По большому счету им было уже все равно. Повидаться с матерью они не успели, так чего теперь – убиваться горем из-за старой избенки? Расстояние

между домами позволяло не переживать, что огонь перекинется дальше. Так, постояв еще немного, сестры вновь разбредлись по своим лежанкам.

До самого рассвета Люба слушала, как, пожираемый огнем, гибнет старый дом. В спальне хромого Ермила беспокойно ворочалась Надежда. С печки долетали сдавленные всхлипы и бормотание Веры. Младшая опять разговаривала во сне.

Люба лежала и думала, что открыть кран «капельницы» на полную перед уходом было единственным верным решением. Огонь очистит. В этой мысли было что-то языческое, как в блеске пламени в кошачьих глазах, но странным образом это Любу больше не тревожило.

К утру от дома осталась только груда дымящихся головешек, которые недовольным шипением встречали начинающийся снегопад.

* * *

Заснули сестры в темноте, едва подкрашенной на горизонте заревом рассвета. И проснулись в темноте же, голодные, разбитые и замерзшие. День промелькнул, точно короткая вспышка, печь остыла, позволив морозу с улицы беспрепятственно вернуться в жилие.

Люба презирала себя за каждый стон, падающий с пересохших губ. За стариковское кряхтение. За хруст суставов

и боль в позвоночнике. Но больше всего за невозможность хоть как-то это изменить. Им с сестрами повезло с наследственностью – ростом, статью и выносливостью они пошли в отца, двухметрового богатыря, что до восьмидесяти лет бегал на лыжах на охоту и редко когда возвращался без добычи. Он и умер не дома – провалился под лед на рыбалке, да так, что тело нашли лишь летом. От матери им досталось похорошему злое упрямство и живучесть. Так что для своего возраста Вера, Надя и Люба были в отличной форме.

Но шестьдесят четыре года – это шестьдесят четыре года. Можно сколько угодно молодиться, делать вид, что не чувствуешь усталости, но однажды твое тело говорит: «Стоп! Хватит!». Усталое, измученное тело отказывается работать, как хорошо отлаженный механизм, двигается со скрипом, напоминая о пройденных километрах болью в мышцах, сухожилиях и, кажется, даже костях. Оно хочет покоя, и только кряхтящая душа не дает ему лечь и уснуть навсегда.

Боль поселилась в каждой клеточке, в каждом атоме. Ружейными выстрелами стреляли суставы. Мышцы, казалось, вот-вот порвутся. Сорванные мозоли на ладонях горели огнем. Хуже всего пришлось пальцам. Скрюченные, как когти хищной птицы, они не желали слушаться, проваливали легчайшие задания. Крышку с пластиковой полуторки пришлось скручивать зубами, прижимая бутылку к груди запястьями. Когда же из перевернутого горлышка не вылилось ни капли, Люба, еле сдерживая слезы, принялась колотить

бутылкой об угол стола, отбивая мелкие кусочки льда.

От шума проснулись сестры, рассыпающиеся мумии. С кашлем, сопением, с хрустом, напоминающим сухие ломающиеся ветки, они выбрались в комнату. Зябко кутаясь в одеяла, трясаясь от холода, они мрачно грызли колотый лед, приходя в себя. Первые полчаса после пробуждения они всегда казались теми, кем и были на самом деле: жалкими старыми клячами с широким набором разнообразных болячек и полным отсутствием желания жить.

Но растопленная печь вновь наполнила избу жаром березовых поленьев. Растертые снегом лица покраснелись, остатки сна покинули слезящиеся глаза. Занятые делом руки и ноги перестали скрежетать заржавелыми сочленениями. Сгинувший Ермил был мужичком запасливым, в погребе на заднем дворе отыскались пузатые банки с закатанными на зиму соленьями, подвешенное на крюках вяленое мясо, а также без счету ящиков с картошкой, морковью и свеклой. Пока варили борщ да тушили картошку с мясом, вечер плавно перетек в ночь. Ужинали при свечах и керосиновых лампах. В привычном молчании. Говорить было не о чем.

Перед сном Люба отправилась на кухню, перемыть посуду. С талого снега воды получалось мало, приходилось расходовать экономно, старательно вытирая полужирные тарелки сухим полотенцем. Мать говорила, что с невытой посуды по ночам черти едят. В детстве это казалось страшным. После себя Люба всегда оставляла только чистую посуду, даже

если проводила в доме всего одну ночь. Там-то, на кухне, отделенная от сестер одной лишь печью, она услышала, как Надежда сварливо выговаривает Вере:

– Опять всю ночь языком молола, плакала... – Голос старшей сестры полнился язвительностью вкупе с тревогой. – Не знаешь, с кем беседы ведешь? Кому во сне улыбаешься? Со всем из ума выжила на старости лет?

«Старость лет» из уст семидесятидвухлетней Надежды звучало настолько комично, что Люба невольно улыбнулась. Но жалобные причитания Веры мигом стерли улыбку.

– Не могу я с ним не разговаривать, Наденька! Не могу, пойми ты! Ты не знаешь, ты его не слышала! А я лишь глаза сомкну – он тут как тут, вот уже восемь месяцев. Будто в голове у меня сидит. И поет так сладко, Наденька, так сладко!

– Искуситель потому что! – отрубил Надежда. – Это бес тебя прельщает, а ты и рада, дуреха! Господь нас испытывает, призывает сильными быть, а ты с нечистым якшаешься! Души своей не жалко?!

– Знаю, Наденька, все знаю. Твоя правда, кто спорит разве? Да только ты его не слышала...

Окончание фразы Вера бессильно прошептала.

Люба уложила последнюю до скрипа вытертую тарелку на стопку уже вымытых. Излишне резко, не в силах подавить раздражение. С глухим звоном толстое стекло раскололось на три неровные части. Голоса за печкой резко умолкли. Придерживая таз с водой одной рукой, другой Люба под-

хватила «керосинку» и вышла в сени. Толкнула костлявым задом дверь, пятясь выбралась на улицу. Обрадованный мороз вцепился мелкими зубами в лицо и уши.

Какая-то черная тень проворно метнулась под ноги. Раньше, чем сообразила, что делает, Люба ловко отфутболила ее обратно. С обиженным мявканьем тень отлетела в темноту. Люба высоко подняла лампу, напряженными глазами вглядываясь в ночь. По самой кромке желтоватого полукруга, отброшенного пламенем, обозначились маленькие остроухие силуэты. С десяток, может, чуть больше. Они сидели, лежали в позе сфинкса или расхаживали взад-вперед, нетерпеливо лупя хвостами по тощим бокам. Любин затылок съежился от мурашек. Почудилось, будто в стеклянных зрачках-плошках зажегся голод. Не простой, а особого рода. Так, должно быть, мерцают во тьме глаза тигра, что в силу преклонного возраста перешел на двуногое мясо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.